

ТЕО МАРЕН

ОТРАЖЕНИЕ
В КРИВЫХ ЗЕРКАЛАХ

Отражение в кривых зеркалах

Тео Марен

Содержание

Введение

Глава 1: Хабад-Любавич — жертва зеркальной пропаганды

Глава 2: Трамп как инструмент демонизации

Глава 3: Преодоление демонизации — уроки истории

Источники

Введение

В общественном сознании многих обществ на протяжении истории укоренялась установка, что «евреи — это плохо», своего рода изначальный изъян. Эта установка передавалась как самоочевидная и не требующая доказательств. Мы зачастую усваиваем подобные навязанные ярлыки, впитывая их с гулом толпы и заголовками газет, не задавая вопросов и не пытаясь заглянуть за занавес. Этот липкий туман стереотипов окутывает разум, заставляя нас верить в ложь. Механизм стереотипизации работает тем эффективнее, чем дольше он существует и чем чаще повторяется. Мы соглашаемся жить в мире готовых ответов, даже не осознавая, что стали заложниками устойчивых культурных и политических конструкций, формировавшихся на протяжении столетий. Это опасная и трагическая подмена, где живой человек исчезает, уступая место «фантому», сотканному из чужих страхов и политических амбиций. Но молчание в ответ на несправедливость становится формой соучастия, закрепляет её как норму. В этой жизни ничего не бывает просто так. От личных драм до общественных катастроф — всё взаимосвязано смыслами. История показывает: дегуманизация начинается со слова — и нередко заканчивается насилием.

В этой книге не просто пересказ истории одного из самых значимых духовных движений современности, а попытка глубокого расследования — по следу тех, кто профессионально занимается созданием ненависти. Данное исследование — это попытка сохранить пространство для истины в условиях её систематического искажения. Это приглашение читателя к честному диалогу, к совместному поиску ответов на неудобные вопросы и к разоблачению тех механизмов, которые веками использовались для того, чтобы гасить свет, прикрываясь заботой о безопасности.

Глава 1: Хабад-Любавич — жертва зеркальной пропаганды

История человеческого духа часто напоминает путь света, пробивающегося сквозь плотные слои тумана, и мало какое явление иллюстрирует этот путь столь ярко, как история движения, родившегося в регионах Восточной Европы в конце XVIII века. Для понимания сути того, что сегодня известно всему миру под именем Хабад, мы должны перенестись в то время, когда традиционный мир восточноевропейского еврейства переживал глубокий кризис. Это была эпоха, когда между сухим академизмом талмудистов и эмоциональным порывом раннего хасидизма возникла пропасть, и именно тогда на сцене появился человек исключительного интеллектуального масштаба — раввин Шнеур-Залман из Ляд. Он предложил нечто иное, революционное: путь, в котором мистическое озарение не противоречит строгости разума, а становится его высшим проявлением.

Само название Хабад является акронимом трех ивритских слов — Хохма, Бина и Даат. Хохма — это первичная вспышка интуиции, чистое зерно идеи, приходящее из ниоткуда. Бина — это детальное понимание, процесс, в котором эта вспышка анализируется, расширяется и обретает логическую структуру. И, наконец, Даат — это не просто знание, а внутреннее усвоение, когда идея проникает в самое сердце и становится движущей силой поступка.

Это и был «интеллектуальный хасидизм»: учение, требующее от человека не слепой веры, а глубочайшей внутренней работы ума, способного дисциплинировать чувства и направлять их к высшей цели. Этот синтез разума и духа оказался необычайно жизнеспособным, хотя история испытывала его на прочность с беспощадной регулярностью. Первый Ребе, основатель движения, познал тяжесть тюремных застенков еще при царском режиме, столкнувшись с доносами и подозрениями. Но те испытания были лишь прелюдией к катастрофам XX века. Когда на просторах бывшей Российской империи воцарился воинствующий атеизм, именно Хабад стал тем стержнем, вокруг которого сохранялась искра еврейской жизни.

В годы советских репрессий, когда само преподавание традиции приравнивалось к государственному преступлению, последователи движения выстраивали сеть подпольных школ и общин. Это было время тихого героизма, когда за сохранение духовной идентичности платили годами ГУЛАГа и многолетними репрессиями. Шестой Ребе, Йосеф Ицхак Шнеерсон, прошел через смертные приговоры и изгнание, но не сломился, сумев перенести центр движения в Америку в самый разгар Холокоста. Казалось, европейская ветвь была практически уничтожена пламенем войны, но именно в Нью-Йорке, в Бруклине, началось то, что позже назовут «чудом возрождения». Седьмой Ребе, Менахем-Мендель Шнеерсон, превратил Хабад из небольшой группы беженцев в глобальную духовную империю.

Обладая образованием инженера Сорбонны и глубиной каббалистического мудреца, он понимал, что в современном мире выживет лишь то, что открыто миру. Он провозгласил эпоху «посланничества», отправив молодые семьи в самые отдаленные уголки планеты не для того, чтобы навязывать убеждения, а, чтобы быть источником тепла, образования и помощи для каждого, кто в этом нуждается. Так началась «революция доброты», масштаб которой трудно переоценить. Сегодня сеть посланников, известных как Шлухим, охватывает более 100 стран и территорий. Дома Хабада стали островами гостеприимства, где двери открыты для всех — от затерявшихся в горах туристов до тех, кто оказался на обочине жизни.

Это не просто религиозные центры, это огромная социальная инфраструктура: образовательные проекты, охватывающие тысячи детей, современные медицинские инициативы, реабилитационные центры для борьбы с зависимостями и масштабные программы помощи малоимущим. Удивительной чертой Хабада стала его инклюзивность — помощь здесь не обусловлена религиозной принадлежностью или уровнем соблюдения традиций. Философия движения утверждает, что в каждом человеке есть искра божественного света, и задача Шлиаха — помочь этой искре разгореться. Это открытое служение, прозрачность действий и готовность к диалогу с любым обществом сделали Хабад одной из самых заметных и уважаемых сил в современной гуманитарной сфере.

Однако именно эта открытость, этот успех и глобальное влияние в последние десятилетия стали причиной того, что над движением начали сгущаться тучи.

Существует странный и пугающий парадокс в том, как современный мир реагирует на чистоту намерений. В эпоху, когда информация стала оружием, прозрачность и активная социальная позиция Хабада внезапно превратились в мишень для манипуляций. В последние десятилетия мы стали свидетелями феномена, который исследователи пропаганды называют «зеркальным методом». Суть его проста и коварна: «цели» приписываются ровно те черты, которыми обладает агрессор, а её действия интерпретируются в логике заговора. Хабад, будучи движением глобальным и одновременно глубоко укорененным в местных общинах, оказался в уникальной и трагической ситуации. Успех Хабада в строительстве общин и его способность находить общий язык с властями разных стран интерпретируется не как результат тяжелого труда и служения, а как доказательство «тайного заговора». Почему именно Хабад стал идеальным объектом для «зеркальной пропаганды» и как работают механизмы, позволяющие превращать благотворительность в шпионаж, а образование — в угрозу национальной безопасности в глазах ослепленной толпы?

Наглядным примером, отражающим стандартные черты «зеркальной пропаганды», является история противостояния, развернувшегося вокруг еврейской общины «Хабад Любавич» в Перми. В период с 2009 по 2016 год маргинальные на первый взгляд группы антикультистов, прикрываясь щитом «православия» и «патриотизма», выстраивали систему идеологического подавления, которая в конечном итоге создавала риск перехода в открытую фазу физического насилия. Процесс этот имел четкую хронологию, своих идеологов, свою «пехоту» и свою визуальную эстетику, пропитанную архаичными страхами и современными политтехнологиями.

Началом системной подготовки можно считать 2009 год. Именно тогда в структуре Пермской епархии Русской православной церкви был официально создан Отдел духовной безопасности и помощи жертвам деструктивных культов. Руководителем этой структуры стал Евгений Ошмарин, фигура, чья роль в радикализации регионального дискурса до сих пор недооценена. В официальном сообщении Патриархии указывалось, что ему поручалась организационная работа

по учреждению в Перми филиала «Центра религиоведческих исследований во имя священномученика Ириней, епископа Лионского». Центр является ядром Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС), возглавляемой Александром Дворкиным.

Однако в пермских условиях антикультистская риторика быстро вышла за рамки споров о «кришнаитах» или «саентологах». Под руководством Ошмарина началось формирование негативного образа, причем еврейское движение Хабад было выбрано в качестве одной из ключевых мишеней. Ошмарин проводил закрытые и открытые лекции для священнослужителей и мирян, где демонстрировал методы «сектантской вербовки».

В этих стенах выковывался ключевой тезис антикультульной пропаганды: традиционная религиозная община объявлялась «экстремистской сектой», чьи действия якобы угрожают национальной безопасности России. Это позволило антисемитизму, доселе считавшемуся в приличном обществе неприемлемым, легитимизироваться под маской «научного сектоведения» и «защиты традиционных ценностей».

Переход от кабинетного теоретизирования к практическому насилию наметился в 2013 году. К этому времени в Перми уже был сформирован густой информационный фон, в котором любавичские хасиды фигурировали как «оккупанты» и «чужаки». Важным катализатором процесса стало выступление известного экономиста и публициста Михаила Делягина. В марте 2013 года он опубликовал программный текст, в котором в резких тонах критиковал деятельность Хабада, фактически призывая к запрету этой организации на территории страны. Делягин, обладающий статусом федерального эксперта, придавал местечковым страхам «интеллектуальный» лоск и глобальный масштаб.

Реакция не заставила себя ждать. В марте 2013 года, в день публикации резонансных заявлений, Еврейский общинный центр на улице 25 Октября подвергся нападению. В окно здания были брошены бутылки с зажигательной смесью. Лишь благодаря бдительности охраны и случайности пожар не привел к человеческим жертвам, хотя здание еврейской школы серьезно пострадало. Это была первая «проба огня», демонстрация того, что слова о «духовной безопасности» легко превращаются в реальные «коктейли Молотова».

Полиция задерживала подозреваемых, чьи головы были забиты тезисами о «спасении нации» от вымышленной угрозы. Однако вдохновители инцидента остались в тени, а само событие было подано в националистических кругах не как преступление, а как акт «народного сопротивления».

К 2016 году антисемитская кампания в Перми приобрела черты массового уличного перформанса. Основным поводом стало обсуждение выделения участка земли под строительство еврейского благотворительного центра. В этот период на авансцену выходят фигуры, олицетворяющие странный симбиоз экологического активизма, православия и ультраправого радикализма. Ключевым действующим лицом стал Роман Юшков. Его биография — наглядный пример того, как либеральный по своей сути протест может мутировать в агрессивный ксенофобский проект. Бывший эоактивист и доцент университета, Юшков к 2016 году окончательно превратился в идеолога уличного антисемитизма.

Вместе с ним действовала Елена Зыкина, чей эмоциональный и экзальтированный стиль выступлений был направлен на мобилизацию женской и обывательской аудитории, и Дмитрий Касьянов, возглавлявший Ассоциацию православных спортивных клубов. Участие Касьянова привнесло в протест элемент силовой угрозы. «Православные спортсмены» — молодые люди крепкого телосложения из клуба «Пересвет» — стали регулярными участниками пикетов, создавая атмосферу физического давления на оппонентов.

Пикеты 2016 года поражали своей визуальной агрессией. Это уже не были скромные протесты против точечной застройки. На тротуарах Перми запестрели плакаты, содержание которых апеллировало к самым мрачным пластам человеческого подсознания. Надписи гласили: «Наши дети — не для ритуальных убийств», «Хабад-Любавич = Сатанизм», «Дайте голос гоям». Здесь механика зеркальной пропаганды работала на полную мощность. Обвинение в «ритуальных убийствах» — классический кровавый навет, веками служивший прелюдией к погромам, — было реанимировано и адаптировано к современности. Объявляя хасидов «сатанистами», участники пикетов сами привносили в городскую жизнь элементы деструктивного культа ненависти. Лозунг «Дайте голос гоям» был призван создать иллюзию того, что большинство населения Перми находится под гнетом меньшинства, тем самым оправдывая любую агрессию как

«освободительную борьбу». Эти акции не были просто выражением частного мнения; это были публичные ритуалы расчеловечивания, направленные на то, чтобы сделать насилие в отношении конкретной группы людей не только возможным, но и желательным.

Весь этот период — с 2009 по 2016 год — можно охарактеризовать как долгую подготовку перед возможным социальным взрывом. Пермь усилиями небольшой, но активной группы лиц превращалась в зону высокого межэтнического напряжения. Власти долгое время предпочитали трактовать происходящее как «дискуссию общественности», что лишь подзадоривало радикалов.

Финал этого этапа наступил лишь через несколько лет, когда количество перешло в качество, а риторика ненависти стала представлять угрозу уже для самой государственной системы, не терпящей несанкционированного хаоса. В апреле 2019 года Дзержинский районный суд Перми вынес приговор. Роман Юшков и его ближайшие сподвижники были признаны виновными в разжигании ненависти и вражды по статье 282 Уголовного кодекса РФ. Суд подтвердил, что их деятельность вокруг строительства общинного центра не имела ничего общего с градостроительным активизмом, а была направлена исключительно на возбуждение национальной и религиозной розни.

Тем не менее, судебный вердикт стал лишь юридической точкой, но не социальным решением. Деятельность Ошмарина, Юшкова, Зыкиной и Касьянова продемонстрировала, что «репетиция погрома» начинается не с первого удара камнем в окно, а с первого слова, объявляющего соседа «нечеловеком». Идеологам ненависти удалось на время отравить общественное пространство города.

Осень 2022 года стала периодом, когда идеологическое сопровождение военных действий России на территории Украины достигло своего пика в поиске метафизических смыслов. В этот момент в государственном дискурсе произошел качественный сдвиг: от риторики «денацификации» аппарат безопасности попытался перейти к концепции «десатанизации». Именно в этом контексте 25 октября 2022 года на страницах еженедельника «Аргументы и факты» появилась программная статья, вызвавшая беспрецедентный политический резонанс.

Её автором выступил Алексей Анатольевич Павлов — на тот момент не просто публицист, а помощник секретаря Совета безопасности РФ Николая Патрушева и генерал-майор ФСБ.

Статья под кричащим заголовком «Что варят в «ведьмином котле. На Украине набрали силу неоязыческие культы» представляла собой квинтэссенцию того, что можно назвать зеркальной пропагандой. В рамках этой логики противнику приписываются не просто политические заблуждения, а глубокое религиозное и психическое перерождение. Павлов утверждал, что современная Украина превратилась в «тоталитарную гиперсекту», где под руководством западных кураторов традиционные ценности были замещены неоязычеством и деструктивными культами.

Автор жонглировал именами и названиями: от сайентологов и неопятидесятников до прямых обвинений в сатанизме. Однако критическая ошибка, которая спровоцировала скандал вокруг текста, заключалась в его решении включить в этот список движение Хабад-Любавич. Павлов в своей публикации прямо назвал любавичский хасидизм сектой. Он утверждал, что *«главным жизненным принципом любавичских хасидов является превосходство сторонников секты над всеми нациями и народами»*.

Подобный пассаж, опубликованный от лица человека, работающего в святой святых российской государственной безопасности, мгновенно вывел ситуацию за рамки привычной антиукраинской пропаганды. Это был прямой выпад против одной из крупнейших и наиболее влиятельных религиозных организаций внутри самой России. Реакция последовала незамедлительно и была предельно жесткой.

Главный раввин России Берл Лазар, который на протяжении десятилетий выстраивал конструктивный диалог с Кремлем, выступил с резким заявлением. Он сказал, что такие формулировки «можно было бы назвать вульгарным антисемитским бредом», и подчеркнул, что речь идет об «оскорблении миллионов верующих евреев». Лазар подчеркнул, что движение Хабад является легитимной и фундаментальной школой иудаизма, а не «сектой», и напомнил, что подавляющее большинство раввинов, работающих в России, принадлежат именно к этому направлению.

Федерация еврейских общин России (ФЕОР) также квалифицировала статью как проявление «оскорбительного невежества», способного спровоцировать межконфессиональную рознь внутри страны. Острота момента заключалась в том, что в координатной сетке российской власти Хабад-Любавич рассматривался как значимый партнер. Нападение на него со стороны аппарата Совета безопасности выглядело как опасный симптом потери управления над идеологическими процессами.

Пропаганда, призванная демонизировать внешнего врага, внезапно обернулась против внутренних основ стабильности. Использование антисемитских клише для доказательства тезиса о сектантстве превращало саму российскую государственную мысль в заложницу радикальных маргинальных теорий, заимствованных из арсенала наиболее ненавистных антикультистов.

Осознание масштаба политического просчета произошло в рекордные сроки. Уже 28 октября 2022 года последовал шаг, практически не имеющий аналогов в современной российской политической культуре. Секретарь Совета безопасности Николай Патрушев выступил с официальными извинениями в письме, опубликованном на aif.ru, признав, что статья его помощника содержала «ошибочные строки о любавичских хасидах». Было особо подчеркнуто, что данная трактовка является «личной точкой зрения» Павлова и «ни в коем случае не является официальной позицией Совета безопасности РФ».

Силовики, привыкшие к безнаказанности в выборе средств для ведения информационной войны, перешли «красную линию». Попытка использовать псевдонаучные методы сектоведения для обоснования геополитического противостояния привела к тому, что в официальный дискурс просочились идеи, которые в цивилизованном обществе квалифицируются как разжигание ненависти.

Кейс Павлова демонстрирует механизм проникновения маргинальных идей в высшие эшелоны власти. В течение многих лет сообщество так называемых «сектоведов» и радикальных конспирологов находилось на периферии государственного внимания. Однако в условиях острого идеологического дефицита их наработки — концепции «промывки мозгов», «психотехнологий» и «религиозной экспансии Запада» — оказались востребованы аппаратом Совбеза.

Павлов, вероятно, полагал, что действует в рамках общего тренда на радикализацию риторики, но не учел иерархию интересов. В мире антикультовой пропаганды легко потерять ориентиры: когда ты начинаешь верить в то, что враг управляется магическими заклинаниями или тайными культами, ты сам становишься проводником иррационального, разрушая при этом рациональные политические союзы.

Последствия для автора статьи наступили не сразу, но были неотвратимы. Несмотря на попытку Патрушева нивелировать скандал через «работу с автором», репутационный ущерб был слишком велик. 20 января 2023 года президент Владимир Путин подписал указ об освобождении Алексея Павлова от должности помощника секретаря Совета безопасности. Формально увольнение могло выглядеть как штатная ротация, но в экспертной среде и в широком общественном поле оно было воспринято однозначно — как прямой результат «хасидского инцидента».

Эта история стала важным уроком для всей системы российской пропаганды. Она показала, что использование образа врага как «религиозного иного» имеет свои пределы. Увольнение Павлова на время охладило пыл сторонников «десатанизации» в её наиболее радикальных формах, однако сам прецедент показал, насколько глубоко специфические антикультовые установки укоренились в сознании тех, кто отвечает за национальную безопасность.

В современной геополитической архитектуре трудно найти более яркий пример «двойной демонизации», чем движение Хабад-Любавич. Эта ортодоксальная иудейская организация оказалась в уникальном положении: в то время как российские радикальные «патриоты» и антикультисты рисуют её как передовой отряд американских спецслужб, их западные коллеги по конспирологическому цеху с не меньшим пылом доказывают, что Хабад является тайным инструментом Кремля, через который Владимир Путин контролирует Белый дом.

Эта зеркальность не случайна; она обнажает глубинные механизмы работы пропаганды, которая игнорирует объективную реальность ради создания удобного образа «империи зла», способного сплотить электорат вокруг идеи «внешней угрозы». Российский контекст этой кампании наиболее рельефно

проявился в региональных конфликтах, среди которых ранее озвученная история пермского противостояния занимает центральное место. Идеологическая база этого процесса опиралась на специфический дискурс «духовной безопасности», основной тезис кампании гласил: фундаменталистский иудейский культ «Хабад-Любавич», управляемый из штаб-квартиры в Нью-Йорке, занимает последовательную антироссийскую позицию и действует в интересах западных центров силы. Риторика о «нью-йоркских кураторах» позволяла перевести антисемитские выпады в плоскость защиты государственного суверенитета. Кроме того, это был классический пример того, как псевдонаучное «сектоведение» дает радикалам моральную санкцию на насилие, маскируя его под борьбу с «иностранным влиянием».

Удивительно, но ровно в то же время на другом конце океана начал формироваться диаметрально противоположный миф. В американском информационном поле, в отдельных конспирологических и активистских медийных сегментах (включая часть анти-трамповской аудитории) Хабад стали изображать как «теневой канал связи с Путиным». Ряд публицистов и блогеров, включая Дэйва Троя и Джима Стюартсона, в последние годы активно продвигают нарратив, в котором Хабад выступает центральным узлом «паучьей сети» (Spider Web) — глобального заговора, связывающего российский капитал, Кремль и американское правое крыло. В этой версии реальности Хабад уже не «агент США», а инструмент российского влияния, через который Москва якобы манипулирует Джаредом Кушнером и самим Трампом. Сторонники этой теории, включая известного эксперта по деструктивным культам Стивена Хассана, адаптируют сектоведческую риторику под американские реалии. Если в России Хабад обвиняют в связях с ЦРУ, то в США его связывают с олигархическими структурами, близкими к российскому президенту. В западных социальных сетях, особенно на платформе X, широко распространяется образ Берла Лазара как «раввина Путина», который якобы является личным связным между Кремлем и еврейскими бизнес-элитами на Западе. Через этот образ транслируется идея о том, что Кремль контролирует ключевые политические фигуры в Вашингтоне посредством религиозно-деловой сети, имеющей свои корни в Бруклине. Таким образом, Хабад превращается в универсальное пугало: для одной стороны — это «щупальца Вашингтона», для другой — «длинная рука Москвы».

Ключевую роль в создании этого смыслового тупика сыграла методология используемая и продвигаемая Александром Дворкиным. Его концепция «тоталитарной секты», лишенная четких юридических критериев и опирающаяся на эмоциональную нагруженность, оказалась удобным (в публицистическом и пропагандистском смысле) инструментом для политической инструментализации. Риторика Дворкина универсальна: её легко можно развернуть в любую сторону. В российском контексте она обслуживает изоляционизм, помогая маркировать любые транснациональные связи как подозрительные и враждебные. Однако та же самая логика «закрытой группы с тайными целями» прекрасно ложится в канву американской конспирологии о «русском вмешательстве». Западные критики Хабада фактически используют те же методы расчеловечивания и демонизации, что и их российские оппоненты, просто меняя флаги на карте геополитических интересов. Если в России это «секта ЦРУ», то на Западе это становится «сектой Кремля», но в обоих случаях организация лишается своей религиозной субъектности и превращается в политический симулякр.

Центральной фигурой, на которой замыкаются оба нарратива, является главный раввин России Берл Лазар. В этом кроется главный парадокс зеркальной пропаганды. Для российских патриотов он остается символом западного проникновения, человеком, чья лояльность якобы принадлежит Нью-Йорку, а не Москве. Его попытки выстроить конструктивный диалог с государством воспринимаются радикалами как «захват власти» и «оккупация духовного пространства». В то же время для американских конспирологов Лазар — это олицетворение путинского влияния, «агент Кремля» в мессианском облачении, чья задача — через религиозные связи открывать двери в высокие кабинеты Запада для российских интересов. Тот факт, что обе эти позиции исключают друг друга, совершенно не смущает их приверженцев. Пропаганда не ищет логической непротиворечивости; она ищет наиболее эффективный способ вызвать страх и отторжение. Берл становится заложником своей посреднической роли. Его близость к представителям российской власти, за рубежом трактуется как доказательство его работы на российские спецслужбы. И наоборот: международные контакты Хабада, естественные для глобального религиозного движения, в России объявляются шпионажем. Это создает ситуацию, в которой

любая деятельность организации — от благотворительности до строительства синагог — может быть истолкована как враждебная акция, в зависимости от того, из какой столицы на неё смотрят.

Неприменно хочется сделать важный вывод о природе современной конспирологии. Она больше не является уделом маргиналов; она стала инструментом большой политики, где антикультуристская риторика используется для делигитимации оппонента. Конспирологическое мышление игнорирует реальные социальные и религиозные процессы, заменяя их плоскими схемами, где всё управляется из единого центра — будь то «вашингтонский обком» или «кремлевские башни». Зеркальная пропаганда вокруг Хабада показывает, что в мире, разделенном геополитическими разломами, истина становится первой жертвой. Реальный Хабад — со своей историей, теологией и социальной деятельностью — исчезает, уступая место пропагандистскому фантому. Этот фантом удобен тем, что он позволяет оправдывать любые ограничения гражданских свобод и религиозной жизни «высшими интересами национальной безопасности». В конечном итоге, борьба с «агентами влияния», с какой бы стороны она ни велась, оказывается борьбой против самого принципа открытого общества и права на культурную самобытность.

Переход от агрессивной риторики к физическому насилию редко бывает случайным или спонтанным процессом. Когда идеологическая обработка в закрытых цифровых экосистемах, таких как Gab или 8chan, достигает определённой критической массы, слова перестают быть просто формой самовыражения и для части радикализованной аудитории превращаются в обоснование плана действий. Формируется убеждение, что насилие не просто оправдано, но является необходимой формой самообороны против вымышленной угрозы. Демонизация еврейских общин и институтов Хабада в сети создает психологический фундамент, на котором вырастают конкретные акты террора, превращая идеологическую абстракцию в кровавую реальность.

Трагическим финалом одного из таких процессов радикализации стало 27 октября 2018 года, когда Роберт Бауэрс ворвался в синагогу «Древо жизни» в Питтсбурге. Этот инцидент стал самым кровопролитным актом антисемитского

насилия против еврейской общины в истории США, унесшим жизни одиннадцати человек.

Мотивация Бауэрсса отражена в его активности на платформе Gab, где он регулярно транслировал идеи о «еврейской заразе» и нашествии, которое якобы угрожает белому населению. Для Бауэрсса даже политический мейнстрим того времени казался недостаточно радикальным. В своих публикациях он открыто критиковал Дональда Трампа, называя его «глобалистом, а не националистом», и продвигал конспирологические представления о «контроле» со стороны евреев. Он заявлял, что не может быть никакого лозунга «Сделаем Америку снова великой», пока продолжается то, что он называл «еврейским нашествием».

Особую ярость у Бауэрсса вызывала деятельность HIAS — Еврейского агентства по помощи иммигрантам. В его искаженном восприятии благотворительная деятельность по поддержке беженцев превращалась в заговор по завозу «захватчиков, которые убивают наш народ». Непосредственно перед тем, как отправиться на преступление, Бауэрсс оставил сообщение, ставшее его де-факто манифестом: он написал, что больше не может сидеть сложа руки и смотреть, как уничтожают его народ. Во время бойни в синагоге свидетели слышали его крики: «Все эти евреи должны умереть». Этот акт насилия в логике его радикализованного мировоззрения был попыткой «материализовать» идеи о «защите нации» в виде пуль и крови.

Идеологическая эстафета ненависти была подхвачена примерно через полгода. 27 апреля 2019 года Джон Эрнест совершил нападение на центр Хабада в Пуэзе, штат Калифорния. В этом инциденте погибла Лори Гилберт-Кей, а еще трое человек, включая раввина, получили ранения. Эрнест выступал как прямой идеологический преемник Бауэрсса, что нашло отражение в его онлайн-манифесте. Анализ этого документа показывает пугающую глубину радикализации, где насилие рассматривается как единственный доступный инструмент истории. Подобно своему предшественнику, Эрнест использовал фигуру Трампа как точку отсчета для собственной радикальности, называя его «сионистом, любящим евреев» и «антибелым предателем». Для стрелка из Пуэза любая форма политического компромисса или официальной поддержки Израиля была признаком капитуляции перед «врагом». Нападение на Хабад не было случайным

выбором — это была атака на наиболее заметный и активный институт еврейской жизни, который в глазах фанатика символизировал всё то, что он стремился уничтожить.

Параллельно с массовыми расстрелами развивалась иная, не менее разрушительная тактика устрашения — поджоги. Если пуля направлена на уничтожение жизни, то огонь призван разрушить чувство безопасности и саму инфраструктуру существования общины. В мае 2019 года серия поджогов потрясла пригороды Бостона. Объектами атак стали центры Хабада в Нидхэме и Арлингтоне. В Нидхэме огонь угрожал не только зданию общинного центра, но и дому раввина, где в тот момент находилась его семья. Расследование велось при участии ФБР, а федеральные власти и прокуроры рассматривали эти поджоги в рамках расследования возможных преступлений на почве ненависти и внутреннего терроризма. Эти пожары не были изолированными случаями; они служили четким сигналом еврейской общине о том, что ни одно пространство, будь то место молитвы или частное жилище, более не является защищенным.

Эта волна «пиротехнического террора» продолжилась и в 2020 году. 25 августа в Университете Делавэра был подожжен центр Хабада, служивший духовным домом для сотен студентов. Пожар, на тушение которого ушло 45 минут и силы десятков пожарных, нанес ущерб в сотни тысяч долларов, фактически превратив здание в руины. Хотя следователи изначально рассматривали различные версии, включая действия серийных поджигателей, политический и общественный резонанс был однозначным. Джо Байден, выпускник этого университета, назвал инцидент глубоко тревожным, подчеркнув, что подобные атаки на еврейскую инфраструктуру являются частью более широкого и опасного роста антисемитизма. Поджоги центров Хабада стали методом системного выдавливания еврейского присутствия из публичного и образовательного пространства, где огонь использовался как инструмент устрашения и изгнания.

К 2024 году насилие, порожденное риторикой ненависти, перешагнуло национальные границы, приобретая международный масштаб. 21 ноября 2024 года в Объединенных Арабских Эмиратах был похищен и убит раввин Цви Коган, посланник Хабада и гражданин Израиля и Молдовы. Его тело было обнаружено спустя несколько дней в Аль-Айне. Это преступление шокировало мировое

сообщество не только своей жестокостью, но и географией: ОАЭ считались примером успешного сосуществования религий в рамках «Соглашений Авраама». Задержание троих граждан Узбекистана — Азизбека Камиловича, Олимбая Тохировича и Махмуджона Абдурахима — выявило трансграничный характер современной радикализации. Суд в Абу-Даби признал убийство терактом и приговорил виновных к высшей мере наказания. Убийство Когана продемонстрировало, что посланники Хабада становятся мишенями глобального террора вне зависимости от их местонахождения, а риторика о «еврейской экспансии» находит исполнителей далеко за пределами тех стран, где она была изначально сформулирована.

Анализируя цепочку событий от Питтсбурга до Абу-Даби, невозможно не заметить логическую последовательность эскалации. Насилие часто начинается с текста. Сначала это анонимные посты на маргинальных форумах, затем — программные статьи высокопоставленных чиновников или публицистов, эксплуатирующих образы «тайных сект» и «инострannого влияния», и, наконец, — коктейли Молотова и автоматическое оружие. Зеркальная пропаганда создает искаженную реальность, где агрессор видит себя жертвой, а жертву — экзистенциальной угрозой, требующей немедленного устранения. Трагедия ситуации заключается в том, что эта ненависть не имеет естественного ограничителя: для её адептов даже самые радикальные политики оказываются недостаточно жесткими, что толкает их на путь одиночного террора или участия в международных террористических ячейках. Серия нападений на Хabad и его представителей в период с 2018 по 2024 год служит мрачным напоминанием о том, что слова имеют вес и последствия. Каждое небрежное обвинение в «нелояльности», каждый конспирологический миф о «глобалистском заговоре» и каждая попытка делигитимизировать религиозную организацию как «деструктивный культ» подготавливают почву для следующего преступления. За этими нападками стоит не случайное недопонимание, а организованная сеть, использующая методы, заимствованные из самых темных времен человеческой истории. Методы, которыми пользуются эти современные инквизиторы, поразительно напоминают пропагандистские кампании прошлых веков, когда для уничтожения репутации группы людей достаточно было вбросить достаточное количество абсурдных, но пугающих обвинений. Такая пропаганда работает

безотказно, и, к сожалению, порой она настолько ослепляет обывателя, что заставляет его видеть угрозу там, где на самом деле находится рука помощи. Когда общество допускает расчеловечивание группы людей в информационном поле, оно неизбежно сталкивается с кровью на улицах. Одно неизбежно отражает другое: наша готовность поверить в «чужого врага» есть лишь отражение нашей внутренней пустоты и нежелания нести ответственность за истину. Судьба гонимого хасида в далеком Абу-Даби или преследуемого верующего в российской глубинке — это не частные случаи, а часть того же процесса, в котором человечество раз за разом проваливает экзамен на человечность. Насилие как результат — это не случайный сбой, а закономерный финал процесса, который начался с первого одобрительного лайка под постом, призывающим к уничтожению «чужаков». Без осознания этой связи и без решительного противодействия риторике ненависти на ранних стадиях, траектория от поджогов до убийств будет лишь повторяться, унося всё новые жизни.

Глава 2: Трамп как инструмент демонизации

15 сентября 2020 года на Южной лужайке Белого дома воздух был пропитан не просто торжественностью момента, но ощущением тектонического сдвига, который случается в мировой политике раз в несколько поколений. В присутствии Дональда Трампа, выступавшего в роли главного организатора и гаранта процесса, премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху, министр иностранных дел ОАЭ Абдулла бин Зайд и его коллега из Бахрейна Абдуллатиф аль-Зайани поставили свои подписи под документами, вошедшими в историю как «Авраамские соглашения».

Это не был просто очередной мирный договор, заключенный из соображений краткосрочной выгоды; это была попытка полной перепрошивки региональной

системы координат. Трамп назвал это событие «рассветом нового Ближнего Востока», и в этом пафосе была своя неоспоримая правда.

Впервые за десятилетия арабский мир начал отходить от парадигмы «трех нет», сформулированной в Хартуме в 1967 году — нет миру с Израилем, нет признанию Израиля, нет переговорам с Израилем.

На смену глухой вражде пришел прагматичный союз, основанный на общем видении безопасности, технологического процветания и, что не менее важно, на признании общих авраамических корней. Однако политическая декларация, какой бы громкой она ни была, остается лишь бумагой, если она не подкреплена живыми стенами повседневного взаимодействия. Настоящая нормализация происходит не в залах заседаний, а на уровне «народной дипломатии», там, где религия, культура и быт сплетаются в новую реальность.

Именно здесь на сцену вышло движение Хабад, ставшее негласным, но ключевым элементом реализации «Авраамского проекта» на земле. Роль Хабада в Объединенных Арабских Эмиратах после 2020 года трудно переоценить как символическую и практическую — она стала лакмусовой бумажкой серьезности намерений обеих сторон. Если политики строили мосты, то посланники Хабада возводили на этих мостах дома, делая их пригодными для жизни.

Раввин Цви Коган, работавший в ОАЭ после нормализации отношений в рамках «Авраамских соглашений» (с 2020 года), стал живым воплощением этой новой эры. Его миссия была далека от абстрактного теоретизирования; это была кропотливая работа по созданию религиозной и социальной инфраструктуры, необходимой для того, чтобы еврейское присутствие в мусульманской стране стало не просто возможным, а органичным. Создание молитвенных пространств и общинных центров, организация кошерного питания через сеть специализированных супермаркетов, открытие образовательных центров — всё это превращало Абу-Даби и Дубай из экзотических направлений в места, где еврей может чувствовать себя дома. Коган действовал как помощник главного раввина ОАЭ Леви Духмана, но его личный вклад заключался в том, чтобы сделать концепцию «Авраамского дома» осязаемой. Для тысяч туристов и бизнесменов, хлынувших из Израиля и стран диаспоры в Эмираты, именно инфраструктура,

созданная Хабадом, стала гарантией того, что нормализация — это не временный политический трюк, а устойчивое изменение ландшафта.

Хабад, обладая уникальным опытом работы в самых разных культурных средах, предложил модель, в которой строгое соблюдение иудейских традиций не вступает в конфликт с законами и обычаями мусульманской монархии, а, напротив, вызывает уважение за верность своим корням. Этот симбиоз стал в определённом смысле мощной антипропагандой против тех радикальных сил, которые десятилетиями кормились на образе врага. Однако именно этот успех, эта наглядная демонстрация возможности мирного сосуществования в логике Авраамских соглашений, могли превратить Хабад и лично его представителей одну из приоритетных мишеней для тех, чья власть и влияние зиждятся на бесконечной дестабилизации Ближнего Востока.

Убийство раввина Цви Когана, произошедшее в ноябре 2024 года, стало трагической кульминацией периода резкого роста напряжённости вокруг нормализации и региональной безопасности. Это было резонансное преступление, которое необходимо рассматривать не только в криминальной, но и в более широкой политико-безопасностной плоскости. Задержание троих граждан Узбекистана, по делу об убийстве Когана обнажает механику современной трансграничной радикализации и уязвимость “точек нормализации”.

Выбор Когана в качестве жертвы был символически значимым. Он не был политиком, принимающим решения, и не был военным стратегом. Он был символом. Удар по нему — это способ нанести удар по самому духу Авраамских соглашений, по той самой «народной дипломатии», которая делала мир осязаемым. Это был сигнал, направленный одновременно нескольким адресатам: руководству ОАЭ — о том, что их безопасность и статус «оазиса стабильности» могут быть подрваны в любой момент; Израилю — о том, что цена нормализации будет расти; и, наконец, самому движению Хабад — как предупреждение о том, что их миссия по «освещению мира» сопряжена с экзистенциальным риском.

Если проанализировать это событие через призму происходящего за несколько лет до этого, становится очевидным, что убийство Когана — это в том числе атака на внешнеполитическое наследие Дональда Трампа и попытка саботажа структуры безопасности, которую он продвигал. Авраамские соглашения

были и остаются одним из наиболее серьезных политико-дипломатических вызовов региональным стратегиям Ирана за последние десятилетия. Они создали фундамент для возникновения мощного блока части суннитских монархий и Израиля, объединенных не только общими страхами перед Тегераном, но и взаимной экономической выгодой. В этой конструкции Хабад можно рассматривать как элемент «мягкой силы», обеспечивая культурную и религиозную легитимацию процесса.

Убийство раввина в данном контексте — это для многих наблюдателей — попытка запугивания и демонстрации силы со стороны сил, стремящихся вернуть регион в состояние перманентного хаоса. Это попытка доказать, что «трамповская модель» мира через силу и процветание уязвима и опасна для тех, кто в нее верит. Враги нормализации могли рассчитывать, что, если им удастся запугать посланников Хабада и заставить еврейские общины свернуть свою активность в ОАЭ, это нанесет по Авраамским соглашениям более сокрушительный удар, чем любая дипломатическая демарш или запуск баллистических ракет. Без живого еврейского присутствия соглашения превращаются в пустую оболочку, лишенную человеческого содержания.

Связь между убийством Когана и попыткой подрыва ближневосточной безопасности становится еще более явной, если учесть время совершения преступления. Оно произошло в момент, когда региональные альянсы проходили испытание на прочность на фоне масштабных военных конфликтов. Устранение символа мира в лице молодого раввина могло спровоцировать кризис доверия между Абу-Даби и Иерусалимом. Однако расчеты заказчиков преступления столкнулись с неожиданной для них реакцией. ОАЭ не только оперативно задержали подозреваемых, но и официально признали это убийство террористическим актом, направленным против ценностей толерантности и сосуществования.

Таким образом, вместо того чтобы стать детонатором разрыва, трагедия превратилась в фактор консолидации. Тем не менее, это не отменяет того факта, что Хабад оказался на передовой глобального столкновения цивилизационных моделей. Одна модель — Авраамская — предлагает путь интеграции, открытости и признания общего наследия. Другая — изоляционистская и радикальная —

опирается на террор, экспорт идеологии ненависти и физическое устранение тех, кто строит мосты.

Почему именно Цви Коган стал мишенью в этой большой игре? Ответ кроется в специфике деятельности Хабада. В отличие от официальных дипломатов, защищенных иммунитетом и протоколом, посланники Хабада живут среди народа. Они открыты, доступны и максимально заметны. В мире, где информация является главным оружием, Коган был идеальной медийной целью. Его убийство гарантировало максимальный резонанс и мгновенное распространение страха. Он был «мягкой целью», но с огромным «геополитическим рычагом». Устраняя такого человека, агрессор не просто убивает личность, он пытается уничтожить прецедент. Прецедент того, что еврей в традиционной одежде может спокойно ходить по улицам арабского города, заниматься бизнесом и молиться в еврейском молитвенном пространстве, не опасаясь за свою жизнь. Именно этот образ нормальности является самым страшным кошмаром для проектировщиков региональной ненависти.

Радикальные силы, ответственные за дестабилизацию, пытаются выставить Хабад «агентурной сетью» или «орудием экспансии», тем самым оправдывая насилие в глазах своих сторонников. Убийство Когана — это практическое воплощение этой идеологии: объявление гуманитарной и религиозной деятельности «враждебным актом», требующим силового ответа.

Но если смотреть на факты без идеологических фильтров, то перед нами предстает картина повседневной гражданской стойкости. Посланники Хабада в ОАЭ, сознавая все риски, продолжают свою работу, понимая, что их присутствие — это и есть настоящий мир в действии. Трагедия Цви Когана не стала концом Авраамских соглашений; она стала моментом истины, проявившим истинную цену тех перемен, которые начались в 2020 году. Наследие Трампа в этом контексте обретает новое измерение. Авраамские соглашения оказались не просто удачной сделкой, а устойчивой конструкцией, способной выдерживать прямые атаки. Убийство раввина показало, что безопасность на Ближнем Востоке не может быть обеспечена одними лишь военными контрактами или экономическими соглашениями. Она требует защиты самой возможности культурного и религиозного диалога.

Иран и его прокси пытаются доказать, что Авраамский проект — это историческая ошибка, которая будет исправлена кровью. Задача же тех, кто стоит на позициях мира, — доказать обратное. Хабад в этой истории остается самым надежным индикатором: пока его посланники продолжают зажигать светильники в Абу-Даби, Дубае и за их пределами, проект нормализации жив. Убийство Цви Когана — это болезненное напоминание о том, что строительство нового мира — это всегда борьба со старым, которое не желает уходить без боя. В этой борьбе Хабад-Любавич вновь оказался в своей исторической роли — на острие атаки, защищая не только свои общины, но и саму идею человеческого единства в мире, который профессиональные идеологи ненависти пытаются расколоть навсегда.

Внутренний раскол в движении MAGA (Make America Great Again - дословно: "Сделаем Америку снова великой") и его последующая радикализация представляют собой один из наиболее глубоких идеологических парадоксов современной американской политики. Если для массового консервативного избирателя Дональд Трамп неизменно оставался защитником национального суверенитета и традиционных ценностей, то в закрытых цифровых экосистемах крайне правого толка его образ претерпел катастрофическую трансформацию, превратившись из «спасителя нации» в «иуду» и «сионистскую марионетку». Этот процесс отчуждения радикального фланга стал результатом столкновения националистических ожиданий с реальной внешней политикой администрации, одним из символов которой стали Авраамские соглашения. В оптике белого супрематизма любые успехи Трампа на ближневосточном направлении интерпретировались не как дипломатический триумф, а как окончательное доказательство его двойной лояльности, где интересы Израиля и специфических религиозных групп, таких как Хабад, были поставлены выше нужд «белой Америки».

Трансформация восприятия Трампа в среде радикалов на платформах Gab, Stormfront и 8chan привела к возникновению нарратива об «отвергнутом пророке». Для идеологов этого движения Трамп совершил непростительный грех, окружив себя советниками, олицетворяющими в их глазах пресловутое «теневое правительство». Логика радикального фланга была беспощадна: беспрецедентная поддержка Израиля, выразившаяся в переносе посольства в Иерусалим и

признании Голанских высот, виделась им не самостоятельным политическим решением, а результатом прямого манипулирования со стороны ZOG — сионистского оккупационного правительства (термин из неонацистской конспирологии).

В этом контексте Трамп перестал восприниматься как лидер национального возрождения, превратившись в инструмент глобалистских элит, чей консерватизм служит лишь ширмой для реализации интересов узкой группы лиц. Наиболее отчетливо и жестоко этот нарратив проявился в манифестах террористов-одиночек, чьи действия стали прямой попыткой остановить то, что они считали «предательством расы». Анализ текстов Роберта Бауэrsa и Джона Эрнеста демонстрирует, как антитрамповская риторика ультраправых эволюционировала пропорционально успехам Трампа в укреплении связей с еврейским миром.

Для Бауэrsa президент был недостаточно радикален, а его окружение свидетельствовало якобы о том, что США фактически превратились в филиал Тель-Авива, где национальные интересы принесены в жертву интересам международного еврейства. Эстафету этой ненависти принял Джон Эрнест, который называл Трампа «просионистским предателем», подчеркивая, что президент абсорбирует энергию правого протеста и перенаправляет ее на службу интересам Израиля, тем самым препятствуя истинному «пробуждению расы». Для Эрнеста и его сторонников Трамп стал «Шаббос-гоем» — слугой, выполняющим грязную работу для еврейских элит.

Убийство прихожан Хабада в этой искаженной логике могло восприниматься как «удар по системе», с которой радикалы связывали Трампа, попытка разрушить ту духовную и политическую опору, на которую, по мнению радикалов, опирался президент. Центральной фигурой, связывающей воедино все элементы этой конспирологической конструкции, стал Джаред Кушнер. В глазах ультраправых Кушнер выступал не просто одним из организаторов Абрахамских соглашений, а «куратором», приставленным к Трампу от лица «еврейских элит».

Брак Иванки Трамп с Кушнером интерпретировался радикалами как символический акт вхождения президента в «круг избранных», что лишало его остатков политической субъектности. Приверженность Кушнера движению Хabad-Любавич трактовалась ими не как вопрос личной веры, а как

доказательство прямой связи Овального кабинета с центром управления в Бруклине. В этой пропаганде Авраамские соглашения виделись не как мирный процесс, а как экспансия финансовой и идеологической империи Хабада на арабский мир, осуществляемая под защитой американской военной мощи.

Такое восприятие превратило Трампа в глазах радикалов в своеобразного «троянского коня», который под лозунгами американского национализма фактически завершил демонтаж остатков изоляционизма ради укрепления глобальной сионистской сети. В этом контексте деятельность представителей Хабада в ОАЭ, включая работу Цви Когана, интерпретировалась ультраправыми через призму «зеркальной пропаганды». Если для радикальных исламистов Коган был сионистским шпионом, то для американских неонацистов он представлял собой часть той же самой глобалистской сети, которая через Трампа и Кушнера выкачивает ресурсы США для строительства нового мирового порядка на Ближнем Востоке.

Происходит пугающая конвергенция угроз: радикальный исламизм и западный «белый национализм», оставаясь врагами на поверхности, смыкаются в своей ненависти к конкретным институтам Хабада как к символам предполагаемого мирового господства. Формирование нарратива «Трамп — еврейский агент» создает уникальную и крайне опасную ситуацию делегитимизации любого мирного процесса. Любые шаги по нормализации отношений между Израилем и арабскими странами объявляются радикалами «заговором элит», что дает моральное оправдание террору.

Хабад в этой логике превращается в универсального врага: авангард экспансии для одних и «кукловоды Белого дома» для других. Это делает посланников движения по всему миру мишенями первой очереди, поскольку атака на них воспринимается радикалами как единственный доступный способ противодействия «системе», возглавляемой предавшим их лидером. Риторика о предательстве Трампа толкает радикалов-одиночек к акциям прямого действия, убеждая их в том, что, если даже главный защитник границ оказался агентом чуждых сил, спасение нации остается только в руках людей с винтовками.

Убийство Цви Когана в Эмиратах и стрельба в Пуэре можно рассматривать как примеры одной и той же логики радикализации, порожденной общей механикой

ненависти и конспирологическим сознанием. Авраамские соглашения, задуманные как фундамент стабильности, парадоксальным образом стали катализатором для самых темных слоев экстремистской мысли, превратив «инфраструктуру духа» Хабада в передовую линию фронта. Этот анализ показывает, что в современном мире даже самая успешная дипломатия может стать жертвой зеркальной пропаганды, превращая политические достижения в повод для новой волны насилия, где ценой за мир становятся жизни тех, кто воплощает его на практике.

К исходу 2024 года политический ландшафт во многом начал превращаться в пространство, где реальность диктуется не фактами, а интенсивностью их искажения. Победа Дональда Трампа на выборах 2024 года и его подготовка к возвращению в Белый дом (инаугурация состоялась 20 января 2025 года) сопровождались беспрецедентным по своему масштабу обещанием: «остановить войну за 24 часа». Этот тезис, который звучал десятки раз, стал не просто лозунгом, а своего рода мессианским обязательством, которое столкнулось с ожесточенным сопротивлением обеих сторон конфликта. Трамп, позиционирующий себя как «планировщик великих сделок», попытался навести мосты через пропасть, которая к тому моменту стала смыслом существования для целых политических элит. Однако, как показывает история, любая сила, пытающаяся соединить разорванное, неизбежно объявляется врагом для обеих полярностей.

Первые трещины в этой миротворческой стратегии проявились уже на этапе первых контактов после выборов, в том числе в декабре 2024 года. Встреча в Париже (7 декабря 2024 года), организованная Эмманюэлем Макроном, стала ранней проверкой того, насколько различаются ожидания сторон: Трамп говорил о быстром прекращении огня, а Украина настаивала на гарантиях безопасности. Трамп, мыслящий категориями бизнес-сделки и немедленного прекращения огня, столкнулся с непреклонностью Зеленского, видевшего в поспешном мире угрозу капитуляции. Трамп внезапно обнаружил, что роль мостостроителя делает его уязвимым для огня с обоих берегов. В европейских медиа его начали клеймить как «пророссийского агента», тогда как американские либеральные круги открыто называли «предателем Украины», игнорируя саму суть его попытки предотвратить глобальную эскалацию.

В 2025 году Трамп перешел от слов к жестким дедлайнам. Ультиматум о перемирии, изначально рассчитанный на 50 дней, был резко сокращен до критических 10–12 дней с финальной точкой 8 августа 2025 года. Этот «августовский дедлайн» стал моментом истины, когда миротворчество Трампа приобрело черты принуждения. Инструментом этого принуждения стал так называемый «28-пунктовый план», подробности которого NBC News раскрыло в ноябре 2025 года. План, разработанный специальным посланником Стивом Уиткоффом и российским представителем Кириллом Дмитриевым, стал воплощением кулуарной дипломатии: он «застал врасплох» Украину и Европу на ранней стадии, хотя затем украинской стороне план, по сообщениям СМИ, представляли. Документ в некоторых публикациях описывается как предполагающий тяжёлые условия для Киева (территориальные и военные параметры, рамки безопасности) и фактически предлагал новую сеть безопасности, где интересы больших держав доминировали над суверенитетом малых.

Здесь мы сталкиваемся с глубокой философской параллелью, которая позволяет понять природу демонизации Трампа. Его положение в 2025 году поразительно напоминает механику демонизации движения Хабад. Подобно тому как Хабад на протяжении веков выступал в роли духовного моста, пытаясь синтезировать мистическое озарение с интеллектуальной строгостью и открыто служить миру, Трамп попытался построить мост политический. И тот, и другой стали жертвами одного и того же механизма — «зеркальной пропаганды». Хабад, будучи глобальным религиозно-социальным движением, демонизируется антикультистскими организациями вроде РАЦИРС и конспирологами как «вражеская сила» и «центр влияния». Трамп попал в ту же ловушку. Пытаясь наладить диалог между США, РФ и Украиной, он перестал быть для сторон «своим». Для Москвы он оставался непредсказуемым империалистом, а для коллективного Запада превратился в марионетку Путина. Это и есть трагедия в эпоху поляризации: прозрачность намерений воспринимается как маскировка, а попытка найти компромисс — как акт предательства. Когда Трамп продвигал «28-пунктовый план», он публично заявлял, что спасает мир от Третьей мировой. Но для укоренившейся системы, привыкшей жить в состоянии войны, завершение конфликта само по себе стало угрозой. Мир Трампа был признан опасным, потому

что он требовал разрушения привычных баррикад. В конечном итоге, судьба Трампа в 2025 году и многолетние преследования Хабада обнажают одну и ту же горькую истину: современное общество, отравленное радикализацией, не терпит тех, кто стоит посередине. Любая сила, стремящаяся восстановить единство человеческого пространства — будь то через духовное служение или через прагматичную дипломатию, — неизбежно расчеловечивается. Трамп, объявленный «предателем» за попытку остановить кровопролитие, стал сакральной жертвой полярности. Его «24 часа» растянулись в бесконечность не только из-за сложности компромисса, а потому, что посредник был объявлен врагом обоими берегами еще до того, как первый кирпич моста коснулся воды. Концепция миротворчества как угрозы стала доминирующим нарративом, превращая завершение войны в кризис, который политические системы оказались не готовы пережить.

Война никогда не является лишь продуктом кратковременного политического просчета или случайного столкновения интересов; это всегда глубоко эшелонированная система, которая питается ресурсами, страхами и, что самое важное, целенаправленно сконструированной ненавистью. Чтобы понять, почему конфликты приобретают затяжной, вязкий характер, необходимо идентифицировать тех, кто извлекает выгоду не только из победы, но и из самого процесса взаимного уничтожения. В классическом понимании главными бенефициарами выступают структуры военно-промышленного комплекса и узкие группы геополитических лоббистов, для которых продолжение боевых действий означает гарантированные государственные заказы, перераспределение рынков влияния и возможность тестирования новых технологий контроля под прикрытием режима чрезвычайной ситуации. Однако за фасадом экономических интересов скрывается гораздо более тонкий и опасный слой выгодоприобретателей — идеологические операторы, профессионально занимающиеся легитимацией насилия и созданием образа врага.

В рамках современного конфликта ключевую роль играют антикультовые сети, представленные такими организациями, как РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект), а также европейские “зонтичные” структуры вроде FECRIS (Европейская федерация центров по исследованию и

информированию о культах и сектах) и другие центры, которые есть уже практически в каждой стране. Эти структуры, иногда позиционируются как академические институты или правозащитные группы, и при этом могут функционировать как политические инструменты, специализирующимися на производстве необходимого образа врага. Механизм консервации конфликта работает через постоянную подпитку поляризации общества. Для антикультистов война — это идеальная среда обитания, позволяющая превратить любую религиозную или идейную инаковость в государственную измену. В рамках этой логики такие фигуры, как Александр Дворкин и его соратники, тесно связанные с государственными структурами и определенными кругами внутри Русской православной церкви, годами выстраивали дискурс «духовной безопасности». Эта концепция стала идеальным фундаментом для оправдания агрессии: если противник объявлен не просто политическим оппонентом, а «деструктивным культом», «агентом влияния» или «марионеткой западных спецслужб», то любая форма насилия в его отношении перестает быть преступлением и становится актом спасения нации. Антикультовые сети выступают здесь как идеологическая полиция, которая маркирует целые группы населения — будь то протестанты, свидетели Иеговы или хасидские общины — как «внутренние метастазы», требующие хирургического вмешательства (это практически дословное отражение их риторики). Именно эта деятельность создает интеллектуальную санкцию на войну, делая её экзистенциально необходимой в глазах обывателя.

Роль пропаганды в этом механизме невозможно переоценить, поскольку она работает не столько с фактами, сколько с базовыми психическими установками. Главный прием, используемый антикультовыми операторами, — это демонизация любых попыток к миру и диалогу. Миротворчество в их системе координат объявляется слабостью или прямым пособничеством врагу, а любые призывы к пониманию причин конфликта клеймятся как «сектантская промывка мозгов». Пропаганда закрепляет жесткую бинарную оппозицию «Мы против Них», где «Мы» — это монолитное единство, охраняемое традиционными институтами, а «Они» — расчеловеченная масса «чужаков». Использование антикультовой риторики позволяет перевести политический спор в область метафизического противостояния. Лавинообразное навешивание ярлыков «сект» на оппонентов служит одной цели — лишить их гражданской субъектности. Когда противник

лишен человеческого облика и представлен как «зомбированный адепт», диалог с ним становится невозможным, а физическое устранение — оправданным. По итогу, что мы видим: война кормит пропаганду, а пропаганда делает войну бесконечной.

Обратившись к историческому контексту, становится ясно, насколько глубоко укоренены в антикультовой среде эти милитаристские и радикальные установки. Еще в апреле 2001 года в Нижнем Новгороде прошла международная конференция «Тоталитарные секты — угроза XXI века», ставшая программным событием для формирования российского антикультового движения. Именно там прозвучали слова, которые сегодня кажутся пророческими в своей пугающей откровенности. Протоиерей Дмитрий Смирнов, один из идеологических столпов этого направления, заявил: «Мы привыкли, что Россия большая, Россия сильная, Россия великая, что у нас полно ядерных кнопок, вообще весь мир мы можем уничтожить. Это да, в принципе, это возможно. Но у нас нет теперь таких людей, у которых хватит мужества чтобы нажать эти кнопки — народ измельчал духовно». Это высказывание, сделанное за два десятилетия до начала масштабных горячих фаз текущих конфликтов, наглядно иллюстрирует, что в кругах «сектоведов» и радикальных традиционалистов идея применения силы как высшего проявления духовности вызревала десятилетиями. Для них «духовная крепость» нации измеряется готовностью нажать ядерную кнопку, а «секты» виновны прежде всего в том, что они якобы лишают народ этого разрушительного мужества, проповедуя пацифизм или космополитизм. Антикультизм, таким образом, изначально был не про религию, а про подготовку сознания к конфронтации.

Этот дискурс о необходимости «мужества убивать» стал центральным нервом современной пропаганды. Выгодоприобретатели войны понимают, что для поддержания конфликта им нужны не просто солдаты, а идеологически заряженные носители ненависти. Именно поэтому антикультовые структуры так активно интегрировались в систему государственной экспертизы и образования. Они создают «интеллектуальное алиби» для репрессий, превращая ксенофобию в наукообразную дисциплину. Когда высокопоставленные чиновники начинают рассуждать о «десатанизации» как о цели военных действий, это не случайная находка спичрайтеров, а прямой результат многолетней «экспертной» работы

антикультистов, которые вложили этот лексикон в руки власти. Война становится инструментом консервации их собственного влияния: пока длится конфликт, их услуги по выявлению «внутренних ведьм» остаются востребованными, а их бюджеты — защищенными.

Однако самый сложный и болезненный вопрос в анализе механизмов войны касается не тех, кто её проектирует, а тех, кто её принимает. Почему мы, обычные люди, так легко поддаемся на эти манипуляции? Почему общество не сопротивляется внедрению антикультовой риторики, которая ведет к саморазрушению? Ответ кроется в глубинной психологической потребности человека в определенности и принадлежности. Пропаганда предлагает упрощенную, черно-белую картину мира, которая избавляет индивида от мучительного бремени личной ответственности за выбор. В условиях кризиса признать соседа «врагом» или «сектантом» психологически проще, чем пытаться выстроить с ним сложную систему сосуществования. Мы поддерживаем навязанную войну, потому что она дает нам иллюзию сопричастности к чему-то великому, «священному», позволяя на время забыть о собственной уязвимости.

Массовое согласие на насилие — это не результат отсутствия информации, а результат сознательного или подсознательного отказа от критического мышления. Антикультисты и пропагандисты лишь нажимают на уже существующие в нас кнопки страха и неприятия инаковости. Мы позволяем им расчеловечивать других, потому что в этот момент сами чувствуем себя «защищенными» своей лояльностью системе. Но именно здесь и кроется ловушка: поддерживая механизм консервации конфликта, мы становимся его заложниками. Война и пропаганда возможны только до тех пор, пока на них есть общественный запрос — пусть даже этот запрос сформулирован как молчаливое непротивление злу.

Наша ответственность заключается не в том, чтобы просто «знать правду», а в том, чтобы найти в себе мужество противостоять самому принципу разделения людей на «правильных» и «неправильных». В конечном итоге, выгодоприобретатели войны — это те, кто умеет конвертировать наше отсутствие мужества к миру в своё присутствие во власти. Механизм консервации конфликта держится на нашем страхе перед сложностью жизни. Пока мы будем принимать

ярлык «секты» как повод для ненависти, а ядерную кнопку — как символ духовного величия, война будет продолжаться. Истинное сопротивление начинается не на полях сражений, а в моменте, когда человек отказывается верить пропаганде, объявляющей его брата «нечеловеком». Только через осознание персональной ответственности за каждый акт согласия с ненавистью можно разрушить то, что десятилетиями строилось на фундаменте «духовной безопасности» и антикультовых мифов. Свобода общества начинается с освобождения сознания от навязанных образов врага, и этот путь требует гораздо большего мужества, чем тот, о котором мечтали идеологи войны в 2001 году.

Глава 3: Преодоление демонизации — уроки истории

Феномен формирования общественного мнения в России неразрывно связан с именем человека, чья биография сама по себе является парадоксом, заслуживающим глубокого исследования. Александр Леонидович Дворкин, признанный зодчий современного антикультизма, представляет собой уникальный синтез грубой технологии «депрограммирования» и деспотизма в вопросах совести.

Дворкин прошел путь классического эмигранта, вернувшегося на родину в переломный исторический момент, чтобы предложить государству свою экспертно-идеологическую модель «борьбы с сектами» и инструменты маркировки «чужих».

Его роль председателя Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Минюсте РФ и многолетнего президента РАЦИРС сделала его фигурой, равноудаленной и в то же время равноприближенной к коридорам светской власти и церковным кабинетам. Дворкин мастерски конвертировал свой американский и европейский опыт жизни

в среде антикультистов в российскую реальность, адаптировав концепцию «промывки мозгов» под нужды силовых структур, которые, в логике Дворкина, заинтересованы в поиске «внутренних мишеней».

РАЦИРС, выстроенная Дворкиным, — это не просто ассоциация теоретиков, а разветвленный комплекс, включающий десятки региональных структур и площадок, функционирующий как единый орган идеологического подавления. Эта структура обладает выраженной способностью подстраиваться под обстоятельства: в общении с прессой она выступает как объединение экспертов, в судах — как сторона обвинения, а в церковной среде — как защитница канонической чистоты. Международный масштаб этой сети обеспечивается членством в FECRIS. Это позволяет РАЦИРС легитимизировать свои внутренние репрессии ссылками на «европейский опыт», создавая иллюзию общемирового тренда борьбы с «деструктивностью».

Методологический фундамент этого режима заложен в публикациях и методических материалах ряда антисектантских авторов (например, А. Чаусова и прот. А. Новопашина). Их целью является не поиск истины, а психологическая нейтрализация оппонента. В них детально прописываются техники скрытого внушения, манипуляции общественным мнением и методы блокирования критического восприятия информации у аудитории. Антикультисты используют те же приемы, в которых обвиняют своих жертв: создание закрытых информационных пузырей, использование специфического нагруженного языка и апелляция к базовым инстинктам выживания нации. Идеология, которую транслирует эта сеть, противоречит логике христианского милосердия и базируется на бескомпромиссной доктрине войны. Программная цитата, часто звучащая в закрытых кругах сектоведов, — «Правило номер один: вы должны очень четко понимать, что это война» — определяет всю логику их действий. В этой войне нет мирных жителей, есть только адепты и их «ликвидаторы».

РАЦИРС разработала и внедрила стандартную схему уничтожения любой неугодной организации. Первый этап — массированная медиакампания, где через лояльные СМИ вбрасываются шокирующие, часто недоказуемые обвинения в ритуальных преступлениях или связях с иностранными разведками. Второй этап — организация «стихийных» пикетов и уличных протестов, создающих иллюзию

народного гнева. Здесь используются методические подходы, где пикет рассматривается не как форма волеизъявления, а как инструмент психологического давления на администрацию и правоохранительные органы. Третий этап — прямое давление на власти с требованием провести проверки, и, наконец, четвертый — судебный запрет, базирующийся на экспертизах, написанных самими же членами РАЦИРС. Это годами обкатанная схема, где обвинитель, эксперт и пропагандист — одно и то же лицо.

Финансовый и политический ресурс РАЦИРС глубоко укоренен в структуре Русской православной церкви, хотя сама ассоциация формально является общественной организацией. Финансирование через епархии позволяет антикультистам иметь неограниченный доступ к региональным ресурсам, превращая церковные амвоны в трибуны для общественно-идеологической агитации. Особую роль в этой схеме играл покойный протоиерей Дмитрий Смирнов, чьи радикальные высказывания служили духовной санкцией на агрессию. Смирнов активно продвигал идею необходимости «взрывать секты изнутри», используя для этого молодежные православные организации и военно-патриотические клубы. В его понимании молодежь должна была стать тем самым «спецназом веры», способным на активные действия против «чужаков». Использование спортивных клубов, таких как «Пересвет» в Перми, для физического устрашения оппонентов — это прямая реализация стратегии Смирнова и продолжение общей линии радикализации, где духовная борьба материализуется в виде крепких молодых людей, блокирующих входы в молитвенные дома или запугивающих представителей общин.

Практика подавления, развернутая РАЦИРС, нашла свое наиболее острое воплощение в преследовании движения Хабад-Любавич. Этот пример стал образцовым для демонстрации того, как антисемитизм, упакованный в обертку «антисектантства», проникает в высшие эшелоны государственной власти. Заявления Алексея Павлова о необходимости «десатанизации» и обвинения хасидов в превосходстве над другими нациями — это результат многолетней «экспертной» накачки со стороны антикультовых структур вроде РАЦИРС. В регионах эта стратегия принимала формы «рейдерства на заказ», как это произошло в Перми в 2014 году. Тогда под маской защиты «православных

ценностей» осуществлялся планомерный демонтаж межконфессионального мира, где еврейская община была выбрана в качестве мишени из-за своей международной связности и активной социальной позиции.

Когда Дворкин и его соратники обвиняют религиозные меньшинства в «подавлении личности» и «финансовой нечистоплотности», они лишь отражают механику работы собственной организации, которая живет за счет эксплуатации страха и манипулирования властными институтами. Расчеловечивание оппонента через термин «секта» работает аналогично нацистскому ярлыку Untermensch (нем. Untermensch — «унтерменш», от Unter- — под- и Mensch — человек): оно выводит человека из правового поля, лишает его сочувствия окружающих и делает любое насилие в его отношении социально приемлемым. В этой стратегии «враг» всегда представлен как абсолютное зло, лишённое человеческих качеств, что избавляет пропагандиста от необходимости вести дискуссию по существу. РАЦИРС формирует в России «сеть ненависти», которая функционирует как самосбывающееся пророчество: сначала они объявляют группу опасной, затем провоцируют конфликт, а когда конфликт вспыхивает, используют его как доказательство своей правоты. Это не сектоведение и не защита веры — это технология управления общественным сознанием через перманентное производство вражды, где конечной целью является абсолютный контроль над пространством человеческой мысли.

Рассматривая материалы деятельности РАЦИРС, невозможно избежать параллелей с методами Йозефа Геббельса, чье имя стало синонимом тотальной пропаганды. Сходство здесь не в эстетике, а в самом создании искусства лжи.

Лингвистическая и психологическая сторона формирования ненависти представляет собой высокотехнологичный конвейер, где превращение живого человека в абстрактную цель для уничтожения происходит через последовательные этапы вербальной и понятийной деформации. В основе этого процесса лежит методология, которую можно обозначить как производство «онтологической вины».

В центре данного анализа находится деконструкция механизмов, с помощью которых традиционные и гуманитарные сообщества, такие как движение Хабад-Любавич, планомерно лишаются человеческого облика, становясь объектом для

глобальной «цифровой инквизиции» и последующего физического насилия. Первичным элементом этой модели является специфическая трансформация семантического поля. Процесс расчеловечивания всегда начинается с лингвистической подмены, где нейтральные или уважительные определения заменяются терминами, несущими заряд биологической или социальной безгласности.

Мы наблюдаем, как в арсенале антикультовых организаций, таких как РАЦИРС, классический оппонент или религиозное меньшинство стремительно превращается в «культ», «секту» или «деструктивное новообразование». Этот сдвиг не является случайным стилистическим выбором; это акт символического исключения из гражданского пространства. Само слово «секта» в современном антикультовом дискурсе функционирует как «маркер чужеродности». Когда структуры, претендующие на роль «экспертов по духовной безопасности», приравнивают религиозную общину к угрозе государственной целостности, они фактически выдают лицензию на правовую дискриминацию. Использование термина «секта» по отношению к Хабаду — движению с глубочайшей интеллектуальной традицией Хохма-Бина-Даат — призвано обнулить его теологическую субъектность, заменив сложную философию разума ярлыком «психологического насилия».

Дальнейшее развитие этой стратегии неизбежно приводит к использованию биологических метафор и зооморфных образов. История пропаганды XX века дает нам пугающе точные параллели этому явлению. Нацистская риторика Йозефа Геббельса, оперировавшая понятиями «бациллы», «паразиты» и «крысы» применительно к еврейскому народу, нашла своё гротескное отражение в современных антикультовых манифестах. Сегодняшние идеологи ненависти, заменяя «расовую чистоту» на «психологическую гигиену», используют те же метафоры «заражения» и «инфильтрации». Когда человека называют «вирусом подрывающий устои», общественное сознание перестает воспринимать его как субъект, обладающий правами. Биологизация ненависти снимает моральный барьер перед насилием: вирус не убеждают, его уничтожают. Этот переход от социальной критики к медико-биологическому приговору является критической

точкой, после которой погромы и нападения на общинные центры начинают восприниматься радикализованной толпой как акты «социальной дезинфекции».

Центральным инструментом в создании атмосферы экзистенциального страха выступает механика «Мирового заговора» или концепция «Паучьей сети». Пропаганда мастерски упрощает сложнейшие социальные связи до плоской схемы злонамеренного влияния. В случае Хабада этот механизм достигает пика в форме «двойной демонизации». Эта двойственность обнажает суть технологии: истинный облик жертвы не имеет значения. Организация превращается в пустой симулякр, в который каждый агрессор вкладывает свои собственные страхи. Путь от академических лекций о «духовной безопасности» к физическому насилию оказывается короче, чем принято считать. Когда высокопоставленные чиновники, подобные Алексею Павлову, публично классифицируют Хабад как «опасный культ», они переводят ненависть из разряда маргинальных мнений в разряд государственной политики. Это дает низовым радикалам сигнал о безнаказанности. Здесь вербальное «расчеловечивание» достигает своей цели: сосед перестает быть соседом, превращаясь в законную мишень для «спасения нации».

Современная конспирология, подпитываемая антикультовыми мифами, порождает феномен одиночного террора и трансграничной ненависти. События последних лет — от трагедии в синагоге Питтсбурга до поджогов центров Хабада в США и убийства раввина Цви Когана в ОАЭ — являются звеньями одной цепи. Информационная среда, отравленная идеями о «мировом заговоре» и «сектантской угрозе», создает тип радикала, который видит в насилии форму высшего служения. При этом пропаганда обладает свойством самораскручивающейся спирали: каждое преступление на почве ненависти используется идеологами для дальнейшего нагнетания страха, замыкая жертву границами изоляции. Профессиональные «борцы с сектами» извлекают прямую политическую и финансовую выгоду из консервации конфликта, поскольку мирное сосуществование и прозрачный диалог делают их услуги по «выявлению врагов» ненужными. В конечном итоге, распознавание техник пропаганды требует понимания того, что объектом атаки является не только конкретная группа, но и сама способность общества к рациональному мышлению. Необходимо осознать,

что за каждым термином вроде «деструктивного культа» скрывается попытка лишить человека его базовых прав.

После неоднократных сравнений современной ситуации с эпохой нацистской Германии и анализа сходств в методах, пришло время углубленно рассмотреть, каким образом действовали нацисты — для более полного и всестороннего понимания.

Генезис тоталитарного сознания в Третьем рейхе невозможно рассматривать в отрыве от глобальной семантической деформации реальности, которую методично выстраивал аппарат Йозефа Геббельса. Это не было просто распространением идеологических доктрин, но представляло собой глубокое вторжение в основы человеческого восприятия, где само понятие истины подменялось агрессивным симулякром, сконструированным для обслуживания целей расовой гигиены.

Нацистские пропагандисты активно применяли методы дегуманизации, демонизации, зооморфной метафоры, лексические приемы, которые служили фундаментальным инструментарием для превращения целого народа в объект для уничтожения. Инструментарий Геббельса также базировался на последовательном расчеловечивании оппонента, когда политический или этнический противник лишался права на субъектность и переводился в разряд биологической угрозы.

Этот процесс развивался по восходящей траектории: от программных тезисов «Майн кампф» в 1925 году, где Гитлер заложил основы конспирологической рамки «мирового заговора», через официальное назначение Геббельса министром в 1933 году, к кровавой кульминации «Хрустальной ночи» 1938 года и последующему Холокосту.

Механика демонизации работала через инверсию смыслов, где жертва неизменно выставлялась агрессором, якобы угрожающим чистоте и безопасности нации. Использование псевдонаучных теорий и антропометрических манипуляций придавало этой ненависти облик объективности, превращая иррациональный страх в «расовую гигиену». Особое место в этой инфраструктуре ненависти занимала визуальная пропаганда, которая апеллировала к

довербальным, архаическим страхам человеческой психики, формируя устойчивый образ врага как экзистенциального Другого.

Шедевром этой манипуляции стал фильм «Вечный жид» (1940), снятый по инициативе Геббельса, который демонстрировался в Германии не менее 65 раз, становясь обязательным элементом идеологической накачки. Киноязык этой ленты, использующий документальные кадры из Варшавского гетто, был намеренно искажен: через специфический монтаж евреи уподоблялись крысам, а их традиционный быт представлялся как антисанитария и угроза европейской цивилизации.

Параллельно с кинематографом работала мощная машина печатной карикатуры, возглавляемая Гансом Швайцером, известным под псевдонимом Мьельнир. Его плакаты, пропитанные экспрессионистской жестокостью и стереотипными чертами, создавали визуальный канон «врага», который транслировался еженедельно через газету «Дер Штюрмер». На пике своего тиража в 1938 году, достигавшем 480,000 экземпляров, это издание фактически диктовало визуальный портрет ненависти всему немецкому обществу. Не менее пугающим было отравление сознания подрастающего поколения: детские книги вроде «Ядовитого гриба» (1938) учили детей распознавать «чужаков» по внешним признакам, закладывая фундамент морального отстранения с самого раннего возраста. Визуальный симулякр врага становился для обывателя реальнее самого врага, подменяя живое общение набором гротескных масок, что делало соучастие в геноциде психологически комфортным процессом.

Центральным приемом, позволявшим нацистской машине сохранять внутреннюю легитимность даже в моменты совершения тягчайших преступлений, был тот же метод двойной демонизации, который сегодня мы классифицируем как «зеркальную пропаганду». Она заставляла немецкое общество верить, что оно не нападает, не уничтожает, а лишь защищается от «мирового еврейского заговора». Нацистский конструкт виртуозно сочетал в образе еврея взаимоисключающие характеристики, представляя его одновременно и как «безродного большевика», разрушающего культуру, и как «алчного капиталиста», порабощающего экономику.

Нацисты обвиняли врага в стремлении к мировому господству, а по факту — отражали собственные амбиции Третьего рейха. Аналогичные параллели можно встретить в пропагандистских кампаниях СССР и США в период холодной войны, где стороны обвиняли друг друга в империализме, используя идентичные риторические клише.

Логический переход к современному применению этих техник, показывает, что современные антикультовые группы используют те же схемы. Психологическая устойчивость этих методов объясняется их опорой на глубокие когнитивные искажения и механизмы коллективного бессознательного, которые Рене Жиар описал в своей теории «козла отпущения». Жиар полагал, что любое сообщество, находясь в состоянии внутреннего кризиса или миметического соперничества, стремится восстановить утраченное единство через акт единодушного насилия над произвольно выбранной жертвой.

Евреи в нацистской Германии стали тем самым «козлом отпущения», чье уничтожение должно было стать ритуалом катарсиса для «арийской нации». Механика дегуманизации здесь работала как способ морального отстранения: если жертва не является человеком, то её убийство перестает быть убийством и превращается в техническую процедуру «очищения».

Эффект подтверждения — когнитивное искажение, заставляющее человека искать только ту информацию, которая подкрепляет его существующие страхи, — делал массы невосприимчивыми к любым рациональным доводам. Пропаганда Геббельса эксплуатировала страх как основной мобилизационный ресурс, отключая критическое мышление и заменяя его инстинктом стадной безопасности.

Нацистская пропаганда не создавала ненависть с нуля, а лишь канализировала существующие социальные фрустрации в жестко заданное русло, используя зооморфные метафоры и зеркальные проекции для легитимизации геноцида. Понимание этих механизмов прошлого становится ключом к пониманию современных технологий расчеловечивания, где за фасадом борьбы антикультистов за «духовную безопасность» часто скрывается всё тот же древний инстинкт поиска жертвы для коллективного жертвоприношения.

Переход от детального анализа стратегий агрессии и механизмов «зеркальной пропаганды» к изучению защитных инструментов требует понимания того, что безопасность сообщества в современном мире не обеспечивается исключительно физическими мерами.

Защита — это комплексный процесс, сочетающий в себе жесткую юридическую ответственность, оперативную реакцию цифровых платформ, авторитетное лидерство и долгосрочные образовательные программы. В условиях, когда антисемитские нарративы маскируются под «антикультистскую» экспертизу или градостроительный активизм, механизмы противодействия должны быть столь же многослойными, как и сами атаки.

Изучение того, как правовые системы и гражданское общество реагируют на попытки расчеловечивания общины, позволяет выявить наиболее эффективные сценарии купирования кризисов на ранних стадиях.

В российской практике ключевым инструментом здесь выступает статья 282 УК РФ, направленная на пресечение возбуждения ненависти и унижения человеческого достоинства.

Примечательно сравнение этого подхода с американской концепцией Hate Crime (преступлений на почве ненависти). Если в США законодательство фокусируется на ужесточении наказания за совершение конкретного преступления (нападение, поджог, вандализм), совершенного по мотиву вражды, то российский законодатель делает акцент на превенции через ограничение публичной риторики.

Ярким примером эффективности этой системы стал прецедент Романа Юшкова в Перми. Его многолетняя кампания против общины «Хабад Любавич» была пресечена именно через судебные механизмы. Признание его виновным по статье 20.3.1 КоАП РФ (возбуждение ненависти) с последующими уголовными разбирательствами по статье 282 УК РФ показало, что государство *способно* идентифицировать «зеркальную пропаганду», когда агрессор пытается выдать свои нападки за «защиту интересов населения».

Конечно, таких примеров немного, однако понимание того, что это возможно — еще один шаг к реализации усовершенствования правовой системы.

Правовая ответственность всех стран остается фундаментом, на котором строится безопасность любой социальной группы.

В цифровую эпоху механизмы защиты переместились в сферу модерации контента и соблюдения сетевой гигиены. Крупные платформы сегодня выступают в роли своего рода «цифровых санитаров», заявляя о готовности предотвращать распространение дезинформации.

Это форма цифрового карантина, которая крайне важна для защиты от распространения «зеркальных» обвинений, поскольку единожды опубликованный и не удаленный ролик может годами служить «доказательной базой».

Однако суровая реальность часто расходится с этим идеалом. Крупнейшие мировые площадки и ведущие СМИ находятся в руках узких групп влияния — тех, кому зачастую выгодно не защищать истину, а скрывать правду и манипулировать общественной повесткой.

В таких условиях механизмы защиты — модерация, алгоритмы продвижения или удаление контента — из инструментов безопасности превращаются в «заказные» механизмы репрессий. Они начинают работать не на справедливость, а на обслуживание политических и коммерческих интересов владельцев ресурсов.

Жизненно необходимо, чтобы эти инструменты были истинными фильтрами против ненависти, а не превращались в искаженную форму цензуры, подавляющую неугодных под маской борьбы за общее благо. Без прозрачности этих процессов защита превращается в привилегию, доступную лишь тем, кто лоялен держателям медийных ресурсов.

Особую роль в системе защиты играет гражданский активизм и лидерство, способное на прямую коммуникацию с высшими эшелонами власти. Наиболее репрезентативным случаем, стала реакция главного раввина России Берла Лазара на публикацию статьи помощника секретаря Совбеза РФ Алексея Павлова в газете «Аргументы и факты» в 2022 году. В статье фактически транслировались маргинальные антикультуристские идеи на уровень государственной доктрины.

Оперативная и предельно жесткая реакция Берла Лазара, назвавшего публикацию «антисемитским бредом» и «оскорблением миллионов верующих»,

вынудила признать ошибку. Официальные извинения Николая Патрушева и последующее увольнение Павлова стали беспрецедентным примером того, как авторитет личного лидерства в сочетании с организованностью общины способен нейтрализовать дезинформацию, исходящую даже из силовых структур.

Это доказывает, что эффективное противодействие *возможно* только тогда, когда общество не занимает позицию молчаливой жертвы, а активно защищает свою честь, опираясь на историческую правду и правовой статус.

Не менее значимым инструментом являются независимые медиа и специализированные исследовательские ресурсы, которые лишают агрессоров их главного оружия — анонимности и имитации экспертности.

Когда журналисты вскрывают механику подготовки «экспертных заключений», направленных на дискредитацию Хабада, они тем самым разрушают саму основу для запуска репрессивных механизмов. Публикация фактов о реальной благотворительной и образовательной деятельности общины в противовес мифам о «сектантстве» создает необходимый баланс в информационном поле, не позволяя зеркальной пропаганде монополизировать истину. Долгосрочная стратегия защиты, однако, лежит в плоскости образования и формирования общественной защиты. Публичные кампании по медиаграмотности, обучающие распознавать манипулятивные приёмы и дезинформацию, становятся жизненно необходимыми в условиях информационной войны. Изучение истории Холокоста в школах и университетах выполняет здесь не только мемориальную, но и прогностическую функцию. Понимание того, как начиналось расчеловечивание, например, евреев в 1930-е годы, позволяет современному человеку мгновенно идентифицировать аналогичные приемы в риторике современных радикалов.

Информированность и просвещение создают этический барьер, который делает пропаганду ненависти неэффективной: человек, знающий историю и обладающий навыками критического мышления, не станет «пехотой» в кампаниях погромов или поджогов. Таким образом, невосприимчивость к манипуляциям формируется через знание о прошлом и умение анализировать настоящее, превращая каждого отдельного гражданина в действенного участника охраны коллективной безопасности.

Синтез юридических мер, оперативной модерации, смелого лидерства, журналистских расследований и глубокого образования создает многоуровневый щит. Защита — это не только работа адвокатов или охраны, это ежедневный труд по сохранению прозрачности, открытости и диалога с обществом. Только через освещение правды и решительное использование правовых инструментов можно остановить механизмы ненависти, стремящиеся погасить свет в угоду идеологическим интересам выгодоприобретателей конфликта.

Сохранение основ демократического общества требует внимательного отношения к плюрализму мнений. Фундаментальное различие между современными правовыми системами в вопросе отношения к религиозному и идеологическому плюрализму наиболее отчетливо проявляется в том, как разные традиции балансируют свободу выражения и свободу совести с задачей защиты общества от насилия и дискриминации. Американская модель, опирающаяся на Первую поправку и логику «рынка идей», делает акцент на максимально широких пределах допустимой речи, тогда как в ряде европейских правопорядков сильнее выражена идея ограничений в целях защиты демократического порядка и прав других людей. Российская же практика нередко описывает аналогичные ограничения в терминах «духовной безопасности», что придаёт им иной — более идеологизированный — смысловой каркас. Анализ этого разлома позволяет не только понять механизмы стигматизации отдельных групп, но и проследить, как эрозия демократических институтов открывает путь к системным государственным репрессиям.

В центре этой дискуссии находится вопрос о границах государственного вмешательства в сферу совести и о том, является ли свобода слова условием здоровья общества или, напротив, его патологией, как утверждают идеологи антикультового движения.

Концепция Первой поправки США базируется на убеждении, что государство не обладает компетенцией определять истинность или деструктивность того или иного вероучения. В этой парадигме свобода слова и совести рассматривается как фундаментальное право, которое может быть ограничено лишь в случае прямой и непосредственной угрозы физического насилия.

Противоположный полюс занимает школа мысли, возникшая в недрах европейского антикультизма и нашедшая наиболее радикальное воплощение в деятельности российских «сектоведов». Идейным архитектором этого подхода стал датский теолог Йоханнес Аагаард, который ввел в оборот термин «невроз Первой поправки»: *«Под прикрытием свободы вероисповедания проникла смертоносная вседозволенность. Особенно это касается Соединенных Штатов, где «Первая поправка» используется для поддержки всевозможных злодеяний во имя религии»*. Cultic Studies Journal, 1991, Volume 8, Number 2, pages 91-103.

Аагаард и его последователи, среди которых ключевую роль сыграл Александр Дворкин, интерпретируют американскую модель не как достижение демократии, а как своего рода общественное заболевание.

Суть этого пренебрежительного отношения к свободе заключается в представлении о том, что демократическое общество, лишенное механизмов принудительной идеологической селекции, становится беззащитным перед «инвазией» нетрадиционных учений. В рамках этой логики свобода слова превращается в «патологию», позволяющую «деструктивным культам» беспрепятственно эксплуатировать граждан под прикрытием религиозных прав.

Для школы Дворкина «невроз Первой поправки» — это неспособность государства исполнять функцию «гигиенического контроля» над духовным пространством. Таким образом, антикультисты сознательно подменяют юридические категории медицинскими и психологическими метафорами, переводя дискуссию из плоскости прав человека в плоскость «социальной санитарии». Когда свобода провозглашается патологией, а критическое мышление — результатом «промывки мозгов», антикультизм неизбежно превращается в инструмент политических репрессий.

В условиях ослабления демократических институтов контроль над определением «правильной» и «неправильной» веры переходит от экспертного сообщества к аппарату безопасности. Это создает механизм, при котором защита «духовной безопасности» становится удобным предлогом для подавления гражданской активности и установления жесткого идеологического контроля.

Наиболее трагической и наглядной иллюстрацией последствий превращения антикультовой риторики в государственную политику является кейс Свидетелей Иеговы в России. Этот процесс начался не с арестов, а с многолетней подготовки общественного мнения структурами, аффилированными с РАЦИРС. На протяжении десятилетий верующих планомерно расчеловечивали через медиа, представляя их как «чужаков», «агентов влияния» и «разрушителей семей». Кульминацией этой кампании стало решение Верховного суда РФ в апреле 2017 года, которым «Управленческий центр Свидетелей Иеговы» и все его региональные отделения были признаны экстремистскими организациями.

Уникальность этого решения заключалась в том, что в вину группе вменялось не совершение актов насилия, а утверждение об исключительности своей веры — позиция, характерная практически для любой религии, но в данном случае интерпретированная как «религиозное превосходство». Последствия этого судебного акта вышли далеко за рамки административного запрета, запустив маховик системного государственного преследования по религиозному признаку. По состоянию на конец 2024 года количество преследуемых верующих исчисляется сотнями, а общие сроки заключения превышают тысячи лет. Однако самой мрачной стороной этого процесса стали человеческие жертвы, вызванные условиями содержания и неоказанием медицинской помощи заключенным, чья «вина» заключалась лишь в мирном исповедании своей веры.

Символом этой трагедии стала смерть Александра Лубина в ноябре 2024 года. Лубин, 68-летний инвалид второй группы, страдавший тяжелыми хроническими заболеваниями, стал двенадцатым Свидетелем Иеговы, скончавшимся в контексте уголовного преследования с 2017 года. Несмотря на очевидную несовместимость его состояния здоровья с условиями изоляции, государственный аппарат продемонстрировал абсолютную негибкость. Его смерть через месяц после вынесения приговора в Курганской области обнажила истинную природу антикультовой борьбы: за риторикой о «защите граждан» скрывается безжалостный механизм, для которого человеческая жизнь является лишь побочным продуктом в достижении идеологического единообразия.

История Лубина и других погибших верующих демонстрирует, что происходит, когда демократические институты перестают выполнять функцию

сдержек и противовесов. В отсутствие независимого суда и при подавленной свободе слова антикультизм доводит ситуацию до гуманитарной катастрофы, оправдывая свои действия необходимостью «защиты основ строя».

Вывод, который следует из анализа роли свободы слова и демократических институтов в контексте религиозных преследований, однозначен: поиск баланса между защитой граждан от реального (а не воображаемого) насилия и сохранением гражданских свобод невозможен без признания абсолютной ценности свободы выражения мнений.

Свобода слова — это не «невроз» и не патология, а единственный эффективный предохранитель от деспотии. Именно прозрачность дискуссии и право на разность взглядов предотвращают превращение общества в монолитную массу, управляемую страхом и манипуляциями «сектоведов». Демократические институты, включая свободу совести, выполняют роль социальной защиты.

Трагедия Александра Лубина и тысяч других людей, оказавшихся под катком «антикультовой» политики, является грозным предупреждением: отказ от принципов Первой поправки неизбежно ведет к легитимизации насилия. Сохранение основ демократического общества требует решительного отказа от практики стигматизации религиозных меньшинств и возвращения к пониманию свободы слова как фундаментального условия человеческого достоинства. Только в условиях открытого диалога, где государство не берет на себя роль верховного цензора совести, возможно построение безопасности, основанной на праве, а не на репрессиях.

Карл Маркс, ссылаясь на Гегеля в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» (1852), отмечал, что великие исторические события повторяются дважды: первый раз — как трагедия, второй — как фарс. Однако, всматриваясь в реалии сегодняшнего дня, мы вынуждены признать пугающую истину: современный «фарс» может оказаться не менее кровавым и разрушительным, чем трагедия прошлого.

В политическом театре XXI века маски сменяются, но механизмы, приводящие в движение маховик ненависти, остаются неизменными. Сегодняшняя цикличность ненависти — это не просто повторение заученных

уроков, а совершенствование технологий дегуманизации, которые адаптировались к цифровой эпохе, сохранив свою убийственную суть. Мы стоим на пороге нового витка спирали, где старые тени ложатся на новые лица, и игнорировать это сходство — значит добровольно соглашаться на повторение катастрофы.

Если мы обратимся к хроникам 1930-х годов, к периоду восхождения нацизма в Германии, мы увидим поразительную, почти отраженную параллель с тем, что происходит в информационном пространстве последних десятилетий. Нацистская пропаганда не начиналась с концентрационных лагерей; она начиналась со слова, с образа «Вечного жида» — квинтэссенции врага, лишённого человеческих черт, биологической угрозы, «паразита», подтачивающего здоровье нации.

Сегодня эту эстафету подхватили идеологи антикультового движения. Современная концепция «тоталитарных сект» функционирует в точности так же, как нацистские ярлыки прошлого. Это лингвистическое оружие, которое выводит целые группы людей за рамки правового поля и морального сочувствия.

Эскалация насилия всегда следует за эскалацией риторики. Линия от «Хрустальной ночи» 1938 года к современным инцидентам прочерчена не чернилами, а огнем.

Попытки поджогов синагог Хабада — это не просто акты вандализма маргинальных групп. Мы обязаны задать себе жесткий риторический вопрос: если после 1938 года последовал Холокост, то что ждет нас завтра, если мы продолжим игнорировать нынешнюю тенденцию нарастания враждебности?

Если мы позволим «антикультовым инквизиторам» и дальше диктовать повестку дня, превращая право на свободу совести в повод для преследования, то «новая трагедия» станет лишь вопросом времени. Однако история — это не фатальный приговор, а пространство выбора. Всегда существует альтернатива, путь, который ведет не к баррикадам, а к столу переговоров.

Сегодня мы находимся в точке бифуркации — в критическом моменте, когда старые системы ценностей рушатся, а новые только зарождаются. Мы больше не можем позволить себе роскошь равнодушия. Отмахнуться от фактов преследования, закрыть глаза на методичное уничтожение свободы совести —

значит стать молчаливым соучастником грядущей всемирной катастрофы. Конец этому долгому мороку начинается в тот момент, когда мы находим в себе мужество произнести правду — неудобную, жесткую, порой невероятную в своей прямоте.

Это нормально — чувствовать боль, когда свет истины касается глаз, слишком долго привыкавших к полумраку лжи. Сегодня, в эпоху небывалой доступности знаний, у нас больше нет оправданий для равнодушия. Технологии дали нам в руки мощнейший инструмент: возможность проверить любую информацию, дойти до первоисточника и сложить собственное, никем не навязанное мнение. Это не просто право, это наш священный интеллектуальный и духовный долг.

Наступило время критического мышления, время активного противодействия любой пропаганде ненависти на её самых ранних, еще «словесных» стадиях. Мы должны научиться распознавать методы современных манипуляторов, которые под маской защиты традиций пытаются навязать нам логику инквизиции.

Сегодня призыв к бдительности — это не просто слова, это требование совести. Защита права каждого человека на свой духовный путь, на свою идентичность без страха перед погромом или арестом — это единственная гарантия того, что нашим детям не придется пережить ни новую войну, ни новый Холокост. Мы обязаны выстроить общество, где диалог является не слабостью, а высшим проявлением силы и мудрости. В этом выборе между ненавистью и диалогом решается не только судьба отдельных общин, но и само право человечества называться цивилизованным.

Пусть пример тех, кто ведёт диалог на основе морали и уважения, станет для нас ориентиром — образцом взаимодействия, способным разжечь взаимопонимание между народами. Пусть правда станет нашим щитом, а воля к миру — единственным законом.

Источники

1. 3RM.info. (2016, 9 апреля). Пермь: Земельный участок предоставлен хасидской общине противозаконно.

<https://3rm.info/main/62266-perm-zemelnyy-uchastok-predostavlen-hasidskoy-obshchine-protivozakonno-edinorossy-postaralis.html>

2. Aagaard, J. (1991). Conversion, religious change, and the challenge of new religious movements. *Cultic Studies Journal*, 8(2).

<https://articles1.icsahome.com/articles/conversion-religious-change-challenge-of-nrm-csj-8-2>

3. BBC News Russian. (2022, 27 октября). Российский еврейский конгресс пожаловался в СКР на статью помощника Патрушева.

<https://www.bbc.com/russian/news-63411227>

4. Business Class. (2021, 2 июня). Еврейской общине отказали в выдаче разрешения на строительство благотворительного центра.

<https://www.business-class.su/news/2021/06/02/evreiskoi-obshchine-otkazali-v-vydache-razresheniya-na-stroitelstvo-blagotvoritelnogo-centra>

5. Jewish Chronicle. (2019). An arsonist allegedly attacked 2 Massachusetts Chabad centers in 2019. The FBI was investigating him.

<https://jewishchronicle.timesofisrael.com/an-arsonist-allegedly-attacked-2-massachusetts-chabad-centers-in-2019-the-fbi-was-investigating-him/>

6. NBC News. (2025, November 19). Russia-Ukraine war: Heavy attack on Ternopil, Poland aircraft response.

<https://www.nbcnews.com/world/ukraine/russia-ukraine-war-heavy-attack-ternopil-poland-aircraft-rcna244755>

7. Observet. (2016, 5 мая). Известные пермяки просят создать Русский центр. LiveJournal.

<https://observet.livejournal.com/435506.html>

8. Pastor Mark Burns. (2026, January 22). United in liberty: The rise of spiritual diplomats [Interfaith conference].

<https://interfaithconf.org/>

9. Ragelskis.lt. Permės kraštą valdo Chabadas.

<https://ragelskis.lt/straipsnis/10229/permes-krasta-valdo-chabadas>

10. RTVI. (2022, 27 октября). Патрушев извинился за высказывание своего помощника о любавичских хасидах. <https://rtvi.com/news/patrushev-izvinilsya-za-vyskazyvanie-svoego-pomoshhnika-o-lyubavichskih-hasidah/>

11. Shterin, M. S., & Richardson, J. T. (2002). The Yakunin vs. Dvorkin trial and the emerging religious pluralism in Russia. CESNUR.

https://www.cesnur.org/2002/russia_yd.htm

<https://tass.ru/politika/16848253>

12. United Nations Office on Genocide Prevention and the Responsibility to Protect. (2014). Analysis framework on genocide. United Nations.

https://www.un.org/ar/preventgenocide/adviser/pdf/osapg_analysis_framework.pdf

13. USA Today. (2019, May 18). Three arsons in two Jewish centers in one week rattles Boston suburbs.

<https://eu.usatoday.com/story/news/nation/2019/05/18/three-arsons-two-jewish-centers-one-week-rattles-boston-suburbs/3718930002/>

14. Wikipedia. Стрельба в синагоге Питтсбурга. In Википедия.

https://ru.wikipedia.org/wiki/Стрельба_в_синагоге_Питтсбурга

15. Аветисова, С. (2014, 11 ноября). Сектоведы по вызову. ГолосИслама.ru

<https://golosislama.com/news.php?id=25347>

16. Аргументы и факты. (2022, 26 октября). Что варят в «ведьмином котле». На Украине набрали силу неоязыческие культы.

https://aif.ru/society/religion/chto_varyat_v_vedminom_kotle_na_ukraine_nabrali_silu_neoyazycheskie_kulty

17. Астраханцева, М. (2019, 12 ноября). В Перми прошли публичные слушания по строительству еврейского центра.

<https://59.ru/text/gorod/2019/11/12/66345616/>

18. Газета.Ru. (2018, 13 ноября). Милонов займется борьбой с сектами.

https://www.gazeta.ru/politics/news/2018/11/13/n_12283993.shtml

19. Дворкин, А. Л. Досадные ошибки в недавней статье Алексея Павлова.

Информационно-консультационный центр св. Ирины Лионского.

<https://iriney.ru/main/polemika/oshibki-alekseya-pavlova.html>

20. Информационно-консультационный центр св. Ирины Лионского. Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС): Контактные данные региональных центров.

[https://iriney.ru/main/o-czentre/kontaktnyie-dannyye-rossijskoj-assocziaczii-czentrov-izucheniya-religij-i-sekt-\(raczirs\)-v-regionax.html](https://iriney.ru/main/o-czentre/kontaktnyie-dannyye-rossijskoj-assocziaczii-czentrov-izucheniya-religij-i-sekt-(raczirs)-v-regionax.html)

21. Информационно-консультационный центр св. Ирины Лионского. (2013, 26 февраля). Как проводить противосектантские пикеты.

<https://iriney.ru/main/prakticheskie-sovetyi/kak-provodit-protivosektantskie-piketyi.html>

22. Информационно-аналитический центр «Сова». (2017, 18 октября).

Противники строительства хасидского центра в Перми пожаловались Дворкину. RIMA

<https://rima.media/document/2017-10-18-sova-763676-protivniki-stroitelstva-khasidskogo-tsentra-v-permi>

23. Козенко, А. (2020, 17 февраля). С обидой на все мирское. Почему протоиерей Димитрий Смирнов может спокойно оскорблять людей. Новая газета.

<https://novayagazeta.ru/articles/2020/02/17/83970-myagkiy-dobryy-i-otzyvchivyy-pastyr>

24. Москва без формата. Трамп лично утвердил 28-пунктный план мира для России и Украины.

<https://moskva.bezformata.com/listnews/tramp-lichno-utverdil/153444653/>

25. Национальный Акцент. (2013, 11 марта). В Перми злоумышленники напали на еврейский центр перед церемонией внесения священной книги евреев.

<https://nazaccent.ru/content/7070-v-permi-zloumyshlenniki-napali-na-evrejskij/>

26. Независимая газета. (2010, 6 августа). Хасиды отсудили у России «библиотеку Шнеерсона».

https://www.ng.ru/world/2010-08-06/2_hasidy.html

27. Новая газета. (2019, 22 августа). «Из нас делают вторую Украину». Пермские хасиды хотят построить культурный центр.

<https://novayagazeta.ru/articles/2019/08/22/81687-iz-nas-delayut-vtoruyu-ukrainu>

28. Новая газета Европа. (2024, 13 ноября). В России умер под следствием уже 12-й «Свидетель Иеговы».

<https://novayagazeta.eu/articles/2024/11/13/v-rossii-umer-pod-sledstviem-uzhe-12-i-svidetel-iegovy-news>

29. Парламентская газета. (2017, 7 апреля). Виталий Милонов призвал антикоррупционеров заняться «Свидетелями Иеговы».

<https://www.pnp.ru/social/2017/04/07/vitaliy-milonov-prizval-antikorrupcionerov-zanyatsya-svidetelyami-iegovy.html>

30. Перископ. (2016, 17 октября). Православные пермяки обратились к ведущему российскому сектовед Александр Дворкину по поводу секты «ХАБАД Любавич». Wayback Machine.

<https://web.archive.org/web/20220401072306/http://periscop.prpc.ru/news/2688-171016>

31. Перископ. (2018, 30 января). Сектовед Александр Дворкин наотрез отказался высказать своё мнение о секте ХАБАД. Wayback Machine.

<https://web.archive.org/web/20211018072817/http://periscop.prpc.ru/news/2813-180130>

32. Пермская епархия Русской православной церкви. (2012, 12 октября). Возможно, нас ожидают большие трудности [Archived webpage]. Wayback Machine.
https://web.archive.org/web/20130203164658/http://permeparhia.ru/publikacii/vozmozhno_nas_ozhidayut_bol_shie_trudnosti/
33. Православная Пермь (2012, 12 октября). Профессор Александр Дворкин: "Возможно, нас ожидают большие трудности". К истине.
https://k-istine.ru/sects/sects_dvorkin-04.htm
34. Смирнов, Д. Н. (2001, апрель). Предложения по борьбе с сектами [Conference speech]. Православный форум «Горожане».
<https://pravoslavnie.gorojane.tv/forum/index.php?s=c8bb78ded86df5d67aef0c612c43b0e9&showtopic=4127&pid=42080&st=0&#entry42080>
35. Сошенко, А. (2021, 14 июня). Жители Перми против хабадников. Завтра.ру.
https://zavtra.ru/blogs/zhiteli_permi_protiv_habadnikov
36. Союз русского народа. (2017, 23 ноября). Ветераны-силовики требуют признать секту ХАБАД иностранным агентом.
<https://srn.rusidea.org/50178>
37. Украинская правда. (2025, 20 ноября). Трамп одобрил мирный план из 28 пунктов для урегулирования войны России против Украины.
<https://www.pravda.com.ua/rus/news/2025/11/20/8008120/>
38. Федерация еврейских общин России. (2022, 27 октября). Главный раввин России Берл Лазар: «Статья Павлова — вульгарный антисемитский бред».
<https://feor.ru/news/glava-feora-ravvin-berl-lazar-statya-pavlova-vulgaryu-antisemitskiy-bred/>